

"Невеста-девушка для итальянца"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Мори Триш

Невеста-девушечница для итальянца

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Доменик Сильваньи успел прочитать всего треть доклада, когда ему позвонили по двусторонней связи — второй раз за пять минут. Он что-то раздраженно проворчал и так резко швырнул авторучку на стол, что она покатила по конторской книге в кожаном переплете.

Снова его отец.

Никто другой не смог бы справиться с сердитой мисс Хэнкок, которую прозвали Ротвейлером. Доменик назначил ее помощницей, когда приезжал в Сидней в первый отель из гостиничной сети «Силверз». С непрошеными посетителями она вела себя безжалостно и всегда добивалась нужного эффекта. Именно это и требовалось Доменику, чтобы не отрываться от срочных дел. Среди горы фактов, цифр и маркетинговых исследований надо было найти решение проблемы гостиничной сети в Австралии, которая стала приносить убытки. Доменик твердо решил выяснить, в чем же дело, прежде чем вечером улететь в Рим.

Его просьбы не звонить были напрасны. Конечно, отец считал, что к нему это не относится. А у Доменика не было времени слушать очередную лекцию. Особенно о тех фотографиях — двух снимках в бульварном листке, публикующем слухи, под названием «Застигнутые врасплох». Его личная жизнь касается только его, но благодаря этому журналу она стала всеобщим достоянием.

Гульельмо Сильваньи прекрасно знал, что попытки этого листка изобразить его сына плейбоем не имеют ничего общего с действительностью, но все же был сильно расстроен.

— Ты можешь найти себе кого-нибудь получше супермоделей и старлетов, — говорил он Доменику. — Какую-нибудь умную, храбрую женщину... которая заставит тебя поволноваться.

Если бы Эмма и Кристин услышали, как о них отзывается его отец, они имели бы все основания обидеться. В конце концов, даже начинающие голливудские старлетки и супермодели не могли бы добиться успеха только благодаря своей внешности, хотя их данные и были великолепны.

И ревности им хватало с избытком. Когда фотографии опубликовали, обе приняли случившееся близко к сердцу.

Конечно, история неприятная. Но это не означало, что Доменику следует остепениться, как настаивал отец. Он не искал себе жены. Не искал семьи. Хотя отец часто уверял его, что потом будет слишком поздно.

Слишком поздно! Черт, ему же всего тридцать два года. Не так уж много.

Кнопка двусторонней связи продолжала вспыхивать.

— Скажите отцу, что я перезвоню ему позже. Когда дочитаю доклад.

— Простите, мистер Сильваньи, это... не ваш отец.

Доменик насторожился. Что-то не так. Обычно она говорила тоном «пленных не брать», а

сейчас ее голос звучал иначе. Впервые ему показалось, что мисс Хэнкок взволнована.

— Это женщина... — продолжала она.

Доменик скрипнул зубами.

Он мог бы понять, как удалось Гульельмо Сильваньи оказаться за этой последней линией обороны. Гульельмо вместе со своим отцом, покойным дедом Доменика, превратил трехкомнатную гостиницу в Неаполе в пятизвездочный отель, пользующийся мировой известностью. Отец Доменика после того, как заболел раком, долгое время сражался с болезнью, отошел от дел и поселился в Тоскане. Теперь во главе всемирно известных отелей стоял Доменик. Но, несмотря на это, отец до сих пор держал власть в своих руках.

— Я же вам говорил, абсолютно никаких звонков...

— Она не звонила, — выдохнула мисс Хэнкок, не дав ему закончить. — Она здесь. Сказала, что это срочно, что вы захотите ее увидеть.

Доменик откинулся на спинку роскошного кожаного кресла, барабанил пальцами по краю письменного стола и стараясь припомнить, где сейчас находятся его недавние спутницы. Он слышал, что Эмма сейчас в Техасе, на выездных съемках своего нового фильма, а Кристин фотографируют для журнала «Вог» в Марокко. И ни та, ни другая не желали с ним разговаривать после той проклятой истории с фотографиями, так что они не знали, что он в последнюю минуту решил поехать в Австралию.

— Ее зовут Опал Клеменджер. Из «Клеменджерз». Это сеть из трех престижных бутик-отелей, которыми владеет ее семья. Кстати, один из отелей находится в Роке...

— О «Клеменджерз» мне все известно, — перебил он ее. — Чего она хочет?

— Говорит, что намерена предложить вам сделку. Условия настолько хороши, что вы не станете отказываться. Впустить ее?

Затаив дыхание, Опал нервно сжимала папку с материалами, которые собирала второпях, надеясь, что Доменик согласится встретиться с ней перед отъездом.

Он наверняка сейчас спрашивает себя, почему владелица единственного в Сиднее шестизвездочного бутик-отеля неожиданно приехала к нему без предупреждения. И не подумает, что это дружеский визит. Он должен согласиться встретиться с ней. От этого зависит будущее «Клеменджерз».

— Скажите, чтобы она заранее договорилась о встрече, — прозвучал голос по двусторонней связи. — Я вернусь через две недели. Да... я буду работать и во время ленча. Пожалуйста, распорядитесь, чтобы в кабинет подали кофе и что-нибудь поесть.

Секретарша с извиняющимся видом подняла глаза на Опал.

— Мне очень жаль, дорогая. Я никогда ему не мешаю, но в этот раз мне действительно казалось, что он захочет с вами встретиться. Боюсь, вам придется прийти в другой раз.

Опал покачала головой. Через две недели будет слишком поздно. Она должна заключить эту сделку в течение двух дней. Всего два дня, чтобы найти инвестора для «Клеменджерз», того,

кто поймет ситуацию и поможет им выжить. Инвестора, который будет полной противоположностью Маккуэйду, акционеру-хищнику, собиравшемуся дешево купить недвижимость в первоклассных районах, чтобы снести здания и построить на их месте дорогие многоквартирные дома.

Осталось немногим более суток до завершения приема заявок, и если она не найдет благородного рыцаря, который захочет спасти «Клеменджерз», Маккуэйд наверняка выиграет тендер, ее семья потеряет все, ради чего работала, и по меньшей мере двести человек гостиничного персонала останутся без работы.

Опал ни за что на свете не отдаст отель Маккуэйду.

— Я должна встретиться с ним сегодня. У меня нет выбора. — Опал отвернулась и принялась шагать по шикарному розовому ковру, пытаясь найти решение. Она рассеянно разглядывала картины в мягких пастельных тонах, которыми были увешаны стены, стараясь сосредоточиться и отыскать выход из своего отчаянного положения.

Может быть, она что-то упустила? Опал еще раз перелистала содержимое папки, изучила все вырезки из журналов и газет, а также статьи из Интернета, которые собрала, как только узнала, что Доменик приехал, чтобы заняться бизнесом в Южном полушарии. Может быть, среди этих бумаг скрывается тот ключ, который ее спасет?

Под заголовком «Пятизвездочный плейбой» Опал увидела две фотографии Доменика. Его сфотографировали с разными женщинами. Это были очень молодые блондинки.

Опал пристально посмотрела на фотографию мужчины, с которого обе женщины не сводили восхищенного взгляда. И в самом деле, пятизвездочный плейбой. Придуманное для него имя идеально подходило Доменику, как и строгий смокинг на одном из снимков и блестящая черная рубашка на другом. Женщины с глазами лани, держащие Доменика под руку, казались его аксессуарами.

Что ж удивительного. Доменик Сильваньи действительно на редкость привлекательный мужчина. Он смотрел со снимков темными, страстными глазами, обрамленными такими густыми ресницами, что они могли бы стать предметом жгучей зависти со стороны женщин. Его челка, немного длиннее коротко подстриженных и уложенных волос, падала на лоб. Четко очерченные губы еле заметно изогнулись, как будто намекая на некую тайну, их подчеркивал квадратный подбородок, говоривший о властном характере.

Доменик Сильваньи считался бы завидным женихом, даже если бы у него не было денег. А с такими деньгами... что ж, у него наверняка не было отбоя от претенденток.

И желаю им удачи, с горечью подумала Опал. Она помнила, что пришлось испытать ее матери.

Но сейчас он был нужен Опал. Вернее, нужны его деньги. Причем нужны немедленно.

— Я подожду, если вы не против. Выйдет же он когда-нибудь из кабинета.

Глаза мисс Хэнкок сузились, а сморщенные губы сжались. Она огляделась по сторонам, как будто проверяя, не слышит ли их кто-нибудь. Но в широком, устланном ковром коридоре, который вел от отделанных медью лифтов к офису, не было никого. На сороковом этаже, где они находились, отсутствовали комнаты для гостей, там не появлялись посетители.

Мисс Хэнкок наклонилась и заговорщически прошептала:

— Я должна выйти на пять минут, и вот-вот принесут ленч. Вы же не будете делать глупостей, верно?

Опал первый раз за последние три месяца улыбнулась, глядя на Дейрдре Хэнкок. Около двадцати лет назад женщина работала секретаршей у ее отца.

Как только Опал вошла в приемную и узнала сидевшую за столом Дейрдре, она подумала, что это хорошее предзнаменование. Дейрдре вскочила и крепко обняла Опал, как будто та совсем не изменилась за эти годы. Она сразу узнала во взрослой девушке шестилетнюю девочку с косичками. И теперь изо всех сил старалась устроить встречу Опал с Домеником.

— Конечно, нет, — ответила Опал. Дейрдре собрала со стола бумаги, и Опал поняла, что сейчас появится тележка с ленчем. Она почувствовала приток адреналина и в тот же миг внезапно осознала, чем рискует помощница Доменика.

— Послушайте, Дейрдре, я не хочу, чтобы вы из-за меня потеряли работу.

Мисс Хэнкок хмыкнула.

— Кто знает, дорогая? Может быть, он даже поблагодарит меня за это. И потом, через неделю я и так ухожу. Что он мне сделает — уволит? Я переключила телефонную линию на копировальную, куда сейчас пойду, так что вам никто не помешает. — Она быстро вышла, Опал едва успела пробормотать слова благодарности.

Прошло не больше минуты. К столу мисс Хэнкок подъехала тележка с закрытыми серебряными подносами, которую привезли из отдела обслуживания номеров. Молодой человек оглянулся по сторонам, его взгляд остановился на Опал.

— Заказ мисс Хэнкок.

— Она сейчас вернется.

Он кивнул и, явно довольный ответом, направился обратно к служебному лифту. За ним мягко закрылись двери, раздался приглушенный шум механизма.

Она снова вздохнула, вне себя от волнения, и вскочила со стула. За дело!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Опал оказалась в большом кабинете. Мужчина, сидящий за широким столом из красного дерева, поднял на нее глаза.

— И где мисс Хэнкок?

Опал растянула губы в улыбке и подошла к столу, катя перед собой тележку.

— Я привезла ваш ленч.

— Это я вижу, — проворчал он. — Но как вы сюда вошли?

Опал занялась тележкой. Она приподняла серебряную крышку с одного из подносов и увидела макароны с артишоками и беконом. Вторым блюдом оказались телячьи эскалопы со спаржей под коньячно-сливочным соусом.

— Наверное, сначала макароны, — сказала она, ставя первое блюдо на свободное место на столе.

Не обращая на нее внимания, он направился к двери и распахнул ее.

— Мисс Хэнкок! Мисс Хэнкок!

— По-моему, она сейчас в копировальной. Мне не хотелось бы, чтобы ваш ленч остыл.

На этот раз он обернулся. Опал почувствовала, как в нем бушует ярость, словно огонь в топке.

— Кто вы такая, черт возьми?

Она глотнула воздуха, чтобы придать себе сил, посмотрела ему в лицо и тут же пожалела об этом. Ей следовало быть к этому готовой. И все же снимки в журнале могли дать лишь отдаленное представление о стоявшем перед ней мужчине. Фотографии не отразили ни его силы, ни характера, ни мужественной внешности.

В его присутствии становилось жарко!

Опал поняла, что цепенеет под его взглядом. Она проглотила слюну и дерзко вздернула подбородок. В конце концов, он только мужчина. И плейбой в придачу.

— Опал Клеменджер. — Она криво улыбнулась. — Спасибо за то, что нашли время для встречи со мной. Я знаю, вы очень заняты.

Доменик фыркнул и распахнул дверь.

— Я не нашел времени для встречи с вами. Я сказал, что вы можете снова прийти через две недели. А еще лучше — не приходите вовсе. Он указал свободной рукой на открытую дверь. А теперь извините, у меня много работы.

— Но я еще не успела рассказать вам о моем предложении.

— Вам не приходит в голову, мисс Клеменджер, что оно меня попросту не интересует?

Опал и не думала уходить.

— Ваши макароны остынут.

— Значит, чем скорее вы уйдете, тем скорее я смогу поесть.

— Мы можем поговорить во время вашего ленча.

— Во время ленча я собирался поработать.

— Это вредно для здоровья.

— Вредно для здоровья — спорить с женщинами, которые не понимают, что их не хотят видеть. Уходите. Сейчас же.

— Но сначала выслушайте мое предложение.

— Или мне придется вас заставить? — Он наклонил голову и сжал губы, как будто раздумывая,

и ей стало страшно. Если он дотронется до нее...

— Я хочу предложить вам возможность, — заторопилась Опал, не смея думать о том, что может произойти, — шанс дать сети отелей «Силверз» желаемое преимущество... необходимое преимущество.

— Похоже, придется вас заставить. — Он отошел от двери и медленно направился к ней. Опал инстинктивно отшатнулась. Она не ожидала, что он окажется таким высоким. Сейчас она чувствовала себя скорее дичью, нежели владелицей и главой самой престижной сети бутик-отелей Австралии. А Доменик был грозным охотником.

Она понимала, что говорит слишком быстро. Но надо было успеть все ему рассказать. Произвести впечатление.

— То, что поможет поднять «Силверз» выше пятизвездочной посредственности...

Он остановился, не дойдя до нее примерно двух шагов, и усмехнулся.

— Пятизвездочной... чего?

Ее сине-зеленые глаза вспыхнули от радости. Маленькое преимущество достигнуто!

Этой женщине не откажешь в самообладании, подумал Доменик. Ей как-то удалось миновать мисс Хэнкок, ворваться к нему в кабинет и назвать его бизнес посредственностью. Но так или иначе, она сейчас уйдет.

— Посредственности, мистер Сильваньи. «Пятизвездочный» когда-то означал нечто особенное. А теперь, скорее, — означает еще одно. Люди хотят испытать что-то новое. Хотят особенных ощущений.

— Спасибо, мисс Клеменджер, за ваши тонкие наблюдения. Но если мне понадобится проанализировать мой бизнес, я не сомневаюсь, что найду лучших экспертов, чем вы.

— Вот как? Что ж, если это так легко, зачем вы вообще приехали в Сидней? Вы можете нанять целую армию аналитиков, чтобы разработать для «Силверз» необходимый план действий. Неужели вам больше нечем заняться?

Доменик рассердился, понимая, что его атака обернулась поражением. И все благодаря мисс Клеменджер. Она оказалась умелым спорщиком, и к тому же ему стало интересно. У «Силверз» действительно была проблема. Он скрестил руки на груди и прислонился бедром к краю стола.

— У вас пять минут. Говорите.

Казалось, на несколько секунд она потеряла дар речи, что его порадовало. Наконец-то он получил возможность хорошенько разглядеть мисс Клеменджер.

Смотреть на нее оказалось гораздо приятнее, чем ее слушать. Каштановые волосы. Нет, не совсем каштановые. Скорее, оттенка теплой патоки. Пухлые, соблазнительные губы. Чистая, почти прозрачная кожа, глаза умные и выразительные. Он заметил, как они расширились, когда она встретилась с ним взглядом. В них появилось другое выражение... потрясение или страх? Но если она испугалась, то все же не отступила. Ему это понравилось.

На ней довольно хорошо сидел костюм цвета кобальтовой сини, лишь слегка намекая на полускрытые формы, и, может быть, если она сядет в кресло, юбка чуть-чуть задерется, и он увидит не только ее стройные икры, но и длинные ноги целиком. Интересно, они так же стройны?

Она осталась стоять.

— Мистер Сильваньи...

— Пожалуйста, зовите меня Доменик.

Опал взглянула на него, и на миг ему показалось, что она возразит даже на это.

— Доменик, — мягко сказала девушка, будто пробуя, как звучит его имя.

Ее голос был теплым и густым, а легкий австралийский акцент сглаживал ритм речи. Таким голосом хорошо будить по утрам.

— Как и другие крупные гостиничные сети Австралии, да и других стран, если на то пошло, сеть «Силверз» страдает от недостатка клиентов. В отелях попросту не хватает постояльцев. Пирог стал меньше, и размер его кусков тоже. Благодаря маркетингу доля одной сети может перевесить другую, но это ненадолго, и очередная рекламная кампания в средствах массовой информации легко сведет все на нет.

Доменик убрал руки с груди и опустил их по швам. Она не сказала ничего нового. Те же самые печальные новости он читал в докладе, который до сих пор лежал у него на столе.

— Предположим, что ваше утверждение верно. Вы, полагаю, знаете, как решить проблему? — В его голосе прозвучало неподдельное сомнение.

Она сжала руки, и он заметил ее длинные пальцы и прекрасной формы ногти. Ни одного кольца.

— Я хочу предложить некую возможность «Отелям Силверз», если вы способны ее оценить.

— Понятно, — сказал он, пропуская мимо ушей ее прозрачный упрек. — И в чем же состоит эта «возможность»?

Опал сделала глубокий вдох. Под этим костюмом у нее были пышные формы. Грудь, бедра и тонкая талия. Он перевел взгляд повыше, и она вдруг залилась румянцем. Вот как? Дама оказалась робкой.

Он вопросительно приподнял бровь.

— «Клеменджерз» владеет тремя шестизвездочными бутик-отелями, расположенными в первоклассных районах Сиднея, Мельбурна и Брисбена. Эту сеть основал мой покойный отец больше пятидесяти лет назад. Многие сотрудники работают у нас больше двадцати лет, некоторые — около сорока. Мы — семейная компания, которая никогда не забывала о своих корнях, о своей первоначальной цели — быть лучшей, давать лучшее, лучшим. Этот спад, — продолжала она, — нас, конечно, затронул, но в меньшей степени, чем «Силверз». Почему вам надо спросить себя.

Доменику не хотелось спрашивать, но хотелось уяснить, в чем дело. Об этом в докладе не

говорилось, и при первой же возможности он спросит у менеджера по финансам, почему он должен узнавать такое от своих противников, а не из подробного доклада.

— «Клеменджерз» предлагает не только приют, но и нечто большее, — спокойно произнесла Опал. — «Клеменджерз» предлагает впечатления.

— Вы хотите сказать, что «Силверз» впечатлений не предлагает? Мы — одна из крупнейших гостиничных сетей в мире. Мы никогда бы не заняли такое положение, если бы не предлагали лучшее.

— Вы предлагаете продукт хорошего качества, на отличном пятизвездочном уровне, но это не одно и то же. Вы только посмотрите, к примеру, на свою клиентуру...

— А что с ней не так? — воскликнул Доменик. — В «Отелях Силверз» во время своего последнего турне останавливался Мик Джаггер.

— Вот именно, — продолжала она. — У вас останавливаются рок-звезды, бизнесмены и туристы, которые любят комфорт. А в «Клеменджерз» — премьер-министры, шейхи и ценители роскоши.

Он оторвался от стола, сделал три шага по комнате и повернулся.

— Так что же вы в таком случае предлагаете?

— Просто шанс получить долю в самом престижном гостиничном рынке Австралии. Шанс воспользоваться нашими методами и поучиться, что может пойти на пользу вашему бизнесу. Я предлагаю вам долю в «Клеменджерз».

В докладе, который Доменик читал сегодня утром, ничего подобного, конечно, не упоминалось. И все же, может быть, именно такой план действий подошел бы «Силверз». Может быть, именно этого и не хватало в докладе. Может быть, пора прислушаться к совету со стороны?

— Так что же это даст «Клеменджерз»? Вряд ли вы действуете по доброте душевной, чтобы помочь своему конкуренту.

Опал подошла к окну, откуда открывался вид на мост через гавань, оперный театр и паромную переправу.

— У «Клеменджерз» есть затруднения с движением денежной наличности, — произнесла она, не отводя взгляда от окна. — Мой отец последовал плохому совету, и в результате у него начались неприятности с отделом налогообложения. О том, что у нас возникли некоторые проблемы, я узнала только после его смерти. Полгода назад я поняла, насколько эти проблемы велики. Банки были готовы помогать... некоторое время. — Она покачала головой. — Мы получили из налоговой службы последние уведомления о штрафе. Теперь от банков нечего ждать помощи.

— О какой сумме идет речь?

Она посмотрела на него и выпалила цифру, услышав которую он приподнял брови.

— Именно поэтому юристы посоветовали продать «Клеменджерз». Если банки не заинтересованы... куда еще нам обратиться? И все же этот бизнес приносит доход... Я могу

доказать вам с цифрами в руках. Просто дело в том, что надо уплатить просроченный налог и штрафы, причем как можно скорее. — Она слабо улыбнулась. Теперь у нее был усталый вид. Полная противоположность бесстрашной, готовой рисковать женщине, которая сумела прорваться к нему в кабинет и потребовать, чтобы он выслушал ее предложение. — «Клеменджерз» выставили на торги два месяца назад... По-моему, кое-кто мог бы проявить интерес или хотя бы попробовать навести справки.

Доменик не знал об этом. Его австралийский директор по финансам ни разу не упомянул о том, что продается бизнес, связанный с бутик-отелями. Конечно, он вполне мог отказаться от возможностей, которые ему предоставляла сделка с «Клеменджерз», но почему в докладе об этом даже не говорилось?

Был лишь один способ выяснить.

Доменик подошел к столу, поднял телефонную трубку и набрал номер директора по финансам. Опал наблюдала за ним, стоя у окна. Глаза расширились, губы приоткрылись, как будто она собиралась что-то сказать, волосы на солнце отливали медью. Понимает ли она, как сейчас красива? Может быть, потому и стоит именно там, залитая золотистым светом солнечных лучей.

Вероятно, нет, решил Доменик. Судя по всему, она понятия не имеет об уловках, свойственных женщинам, с которыми он обычно общался.

Эван Хупер снял трубку после третьего звонка. Доменик отвел взгляд от Опал и стал смотреть на стену, чтобы эти необыкновенные глаза — не совсем синие и не совсем зеленые не смогли его отвлечь.

— Эван, что вы можете мне сказать о продаже «Клеменджерз»?

Опал сделала глубокий вдох. На миг ей пришло в голову, что хозяин кабинета вызовет охрану и вышвырнет ее за дверь. Но у нее все еще оставался шанс.

— А финансы? — Доменик задавал Хуперу краткие вопросы и слушал долгие ответы. — Тогда почему? — Он выругался и бросил трубку. Секунду не шевелился, опираясь руками о стол и тяжело дыша, после чего поднял взгляд на Опал и выпрямился. Потом накинул пиджак. — Ну что ж, идемте, мисс Клеменджер. Или вы разрешите называть вас Опал?

— Конечно, но... куда мы идем?

— А как вы думаете? Вы мне покажете шестизвездочный отель, которым так гордитесь.

Она указала на тарелки с до сих пор не тронутой едой.

— Ваш ленч...

— Оставьте это, — сказал Доменик, взял ее под руку и повел к двери. Он улыбнулся, сверкнув белыми зубами. — Я хочу видеть то, что вы можете предложить.

Опал почувствовала тепло его руки сквозь ткань пиджака. Почему ей показалось, что, когда он на нее посмотрел, в его завораживающих темных глазах промелькнуло иное выражение? Конечно, он известный повеса, но вряд ли станет вести себя с ней как плейбой — только не с ней, и это очень ее устраивает.

От Доменика Сильваньи ей хотелось получить только инвестиции, деньги, чтобы обеспечить будущее сети отелей «Клеменджерз» и ее персонала. Если их может спасти плейбой, пусть так и будет. Сейчас она не в состоянии позволить себе быть слишком разборчивой.

Когда они вышли из кабинета, Дейрдре Хэнкок снова сидела за столом. По выражению ее лица было невозможно понять, удивилась она или обрадовалась, увидев их вместе.

— Я вернусь через пару часов, — сказал Доменик, проходя мимо. — Пожалуйста, вызовите для нас машину.

— Конечно, мистер Сильваньи. Кстати, снова звонил ваш отец. Я сказала ему, что вы на совещании.

Доменик остановился. Воспользовавшись этим, Опал осторожно высвободилась и взяла папку со стула, где оставила ее несколько минут назад.

— Ваш отец хочет знать, можете ли вы приехать в Рим вечером в четверг, — продолжила секретарша. — Он и ваша мать познакомились с очаровательной молодой женщиной и хотят ее вам представить.

Из его горла вырвалось что-то вроде глухого ворчания.

— Ему что-нибудь передать? — спросила Дейрдре.

— Нет. Я займусь этим позже. — Доменик повернулся к Опал, жестом указал ей на лифт.

Оглянувшись через плечо, Опал увидела, как Дейрдре подняла вверх оба больших пальца — что совершенно на нее не похоже. Спасибо, одними губами ответила она.

Доменик вошел в лифт следом за ней. Они отразились в сверкающих зеркалах на стенках. Рядом с ней он казался великаном. Опал повернулась к двери, ожидая, что Доменик сделает то же самое, но он по-прежнему стоял лицом к задней стенке лифта — и к ней, — в то время как кабина с еле слышным шумом скользила вниз.

Она не смотрела ему в лицо, но все же не могла не чувствовать его тепло — он стоял так близко, — его откровенный, пристальный взгляд. Ее тело отвечало этим ощущениям, по коже бегали мурашки, сжимало грудь. Казалось, он дразнил ее. Попробуй не обращать на меня внимания.

На него нельзя было не обращать внимания. Но Опал делала вид, что он не производит на нее ровным счетом никакого впечатления. Возможно, при других обстоятельствах она могла бы заинтересоваться, поддаться сильному обаянию мужчины...

При других обстоятельствах и с другим мужчиной. Но не сейчас, не с Домеником Сильваньи. С плейбоем — никогда.

— Сколько вам лет? — наконец спросил он.

Опал снова встретилась с ним взглядом. Так вот почему он так пристально ее рассматривал. Конечно, ведь обычно встречается с молоденькими девушками.

Она выпрямилась и вздернула подбородок.

— А сколько вам лет?

— Тридцать два.

— О! А мне в июне исполнилось двадцать шесть.

Он приподнял бровь.

— И вы не замужем и не обручены. Почему же?

Она смущенно прикрыла одну руку другой, хотя, конечно, было уже слишком поздно.

— Может быть, у меня есть друг.

— А это правда? Я бы не удивился. Ваша красота обезоруживает.

Она почувствовала, что у нее пылает лицо, и стала разглядывать цифры — двадцать восемь, двадцать семь, — желая, чтобы они менялись быстрее, пока ее щеки не стали такими же красными, как световые вспышки, отмечающие этажи. «Ваша красота обезоруживает» — что за сомнительный комплимент?

— Не понимаю, какое это имеет отношение к продаже «Клеменджерз».

Доменик прислонился к стенке лифта, подмяв голову к потолку.

— Вы правы. Это не ваша проблема.

Она не сразу поняла, что он имеет в виду, но потом догадалась.

— Телефонный звонок.

Он кивнул.

— Телефонный звонок. Мой отец считает, что я должен жениться. Моя мать старается побеседовать с каждой молоденькой выпускницей престижной школы или европейской принцессой, с которой ей удастся познакомиться.

Опал вспомнила о фотографиях женщин в обществе Доменика. Среди них явно не было ни выпускниц школ, ни принцесс. Конечно, его родители беспокоятся, что его в конце концов окрутит какая-нибудь авантюристка с этих фотографий. Она почувствовала, что против воли улыбается — уголками губ.

— Понимаю, это может оказаться проблемой для кого-то вроде вас.

Ее слова на него подействовали, задели его за живое. Но если она ждет, что он станет защищаться, то ошибается. Невзирая на семейные связи, он достиг своего положения не просто так. Об этом мисс Клеменджер еще предстоит узнать.

Доменик шагнул к ней. Опал прижалась к стенке лифта, а он взялся за медные поручни по обе стороны от нее. Она оказалась в ловушке.

Он увидел, как расширились ее глаза и в них промелькнуло испуганное выражение.

— Для кого-то вроде меня? Ваш ответ показался мне довольно грубым, мисс Клеменджер.

Вспыхнувшие было глаза девушки погасли, их выражение стало суровым, холодным и

непроницаемым.

— Опал, — сказала она, и он заметил, как побелели суставы ее пальцев, сжавших папку, которую она приподняла, словно возводя барьер между ними. — Называйте меня Опал.

Доменику понравился тон, которым она произнесла свое имя. Ее губы выговаривали его как-то очень сексуально.

Если бы только в ее глазах появилось такое же выражение...

— Опал, — произнес он. — Ведь вам бы не пришло в голову одергивать человека, который думает о спасении вашего бизнеса?

Она гневно взглянула на него.

— Я считала, что предлагаю решение вашему бизнесу.

Он улыбнулся. Ее лицо было так близко, что он мог его коснуться, слегка потянувшись к ней.

— По-моему, вы говорили иначе.

Услышав эти слова, Опал встревожилась и облизала губы. Можно было подумать, она прочла его мысли.

— Значит, вы меня не слушали, — сказала она, пристально глядя на стенку слева от него.

— О, я вас очень внимательно слушал, — протянул Доменик, — а кроме того, наблюдал и зачинал себе вопросы.

Опал посмотрела ему в глаза и тут же снова принялась разглядывать стену.

— Какие вопросы?

Он наклонился еще ближе.

— Хороши ли ваши губы не только на вид, но и на вкус?

Разделявшие их сантиметры исчезли. Доменик коснулся губами ее губ и услышал резкий вдох. Двери лифта зазвенели у него за спиной, сообщая о прибытии на первый этаж, и со свистом раскрылись.

— Извините, — слегка задыхаясь, проговорила девушка. После чего нагнула голову, прошла мимо него и вырвалась на свободу в богато отделанный мраморный вестибюль. — По-моему, пора выходить.

Доменик усмехнулся, задумчиво глядя ей вслед. Эта прелестная мисс Клеменджер преподносит одни сюрпризы. Ему всего-навсего хотелось ее смутить, а не целоваться с ней, но как же сладок был этот поцелуй!

— Леди, — пробормотал он себе под нос, следуя за ней, — не надо так спешить. Ведь наше приключение еще только в самом начале.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Опал налила себе в чашку чаю «Эрл Грей» из серебряного чайника, наблюдая, как в янтарной жидкости медленно кружатся и падают на дно крошечные листочки. Даже не будучи гадалкой, она знала, что они предсказывают одно и то же.

Прошло не меньше двух часов с тех пор, как Доменик прижал ее к задней стенке лифта, поцеловал в губы и лишил всякой возможности мыслить здраво, а она до сих пор не могла прийти в себя.

Доменик вот-вот вернется допить кофе. Он извинился и вышел, чтобы приватно поговорить по мобильному телефону. И вот она сидит за столом и все еще размышляет о том, что могло бы случиться, если бы двери лифта открылись не так скоро. А ведь ей следует думать совсем о другом: как убедить Доменика вложить деньги в ее бизнес.

Конечно, на него произвели впечатление роскошь и высокий уровень «Клеменджерз» в первый же миг, как только они показались в дверях, и швейцар Себастьян приветствовал их церемонным кивком. На Себастьяне были цилиндр и фрак, это давало представление о том, чего ждать дальше. Доменик оценил значительные размеры и обстановку номеров люкс, ярко выраженный стиль ретро, в котором была отделана каждая комната, их великолепную меблировку, ясно говорящую о богатстве и престиже. Он обратил внимание и на украшавшие стены прекрасные гравюры.

Когда она показала ему цифры, Доменик внимательно их изучил, кивая там, где все было ясно, и задавая вопросы по существу. По мнению Опал, он действовал как человек вдумчивый, желающий узнать все подробности.

И обед, который им подали в «Перл», отмеченном наградами ресторане «Клеменджерз», был выше всяких похвал: тайские королевские креветки под соусом «чили» со сладкой жареной картошкой, а также медальоны из омаров в соусе из белого вина. Перед кофе Доменик встретился с шеф-поварами, поблагодарил за профессионализм и поговорил с ними об их взглядах на жизнь и стремлениях.

Разумеется, он не сделал бы ничего подобного, если бы всерьез не рассматривал возможность вложить деньги в «Клеменджерз».

Так что сейчас с точки зрения логики Опал следовало бы думать над заключением сделки. Это имело бы смысл. Заключить сделку и сохранить сеть «Клеменджерз» целой и невредимой, а не превращенной в огромное число квартир. Заключить сделку, чтобы «Клеменджерз» могла функционировать и дальше.

А вместо этого она вспоминает о том, что произошло в лифте. Почему так тяжело забыть о нежном поцелуе в губы, о том, как дыхание Доменика обожгло ей щеку, о том, как его прикосновение пробудило в ней чувства и они открылись, подобно только что появившимся на свет листьям пальмы, которые тянутся навстречу влажному и теплему утру в тропиках? Он поцеловал ее.

А она даже не пыталась остановить его. Опал прекрасно видела, что он наклоняется, собираясь ее поцеловать, и у нее тут же вылетело из головы, зачем она сюда пришла. И хуже того, она забыла, кто он такой. Самый известный в городе плейбой. Дальше некуда.

Может быть, Доменик и вложит деньги в отель. Ради «Клеменджерз» ей придется не обращать внимания на его личную жизнь. Но она никогда не должна забывать, кто он. Достаточно лишь подумать о печальной жизни ее матери, чтобы напомнить себе, чего это будет стоить.

Опал с рассеянным видом положила в чай пол-ложки сахара и размешала. В ресторане было тихо. Посетители разговаривали приглушенными голосами. Обслуживающий персонал хорошо знал свое дело и вел себя ненавязчиво. Ни посуда, ни столовые приборы не звенели и не гремели, а уличного движения в оживленном районе Роке как будто и не существовало: снаружи не доносилось ни звука. Но ей было не по себе.

Опал все напридумывала. Надо немедленно выкинуть из головы этот эпизод в лифте — иначе ей грозит опасность выставить себя душой.

Наверняка Доменик уже об этом забыл. Конечно, подобные случаи совершенно ничего не значат для мужчины, который не хочет связывать себя обязательствами с одной женщиной... Опал сделала глубокий вдох и осторожно поставила чашку на блюдце. Серебро мягко звякнуло о фарфор.

Несмотря на все логические объяснения, ей стало страшно. Поддавшись порыву, она посмотрела вправо и тут же встретила взглядом с Домеником. Он стоял и наблюдал за ней.

На миг девушке показалось, будто расстояние между ними исчезло. Доменик не трогался с места, и все же между ними что-то произошло в неуловимую для Опал долю секунды. Ее охватил жар, потом холод, она задрожала и вспыхнула, когда он окинул ее своим непонятым взглядом и вдруг улыбнулся.

Опал почувствовала, что у нее горят щеки, и рассердилась. Она попыталась отвести взгляд, а Доменик направился к ней, лавируя между столиками и засовывая мобильный телефон в верхний карман рубашки.

— Прощу прощения, — сказал он, снова занимая свое место. — Надо было срочно перезвонить моему отцу. Как бы ни был важен бизнес, семья должна занимать первое место.

— Вам незачем извиняться, — возразила Опал. — Мы с близняшками — моими двумя сестрами — тоже очень близки, хотя, к сожалению, теперь я вижу с ними редко.

Доменик отпил глоток черного кофе и одобрительно кивнул. Ему, казалось, понравился и фирменный напиток «Клеменджерз».

— Расскажите мне о них, — сказал он. Опал поставила чашку на стол, радуясь возможности поговорить о сестрах.

— Ну, им двадцать два года. Сапфи — то есть Сапфира — на десять минут старше. Сейчас она работает в Милане, модельером одежды в одном из больших домов моды, и, судя по всему, становится известной. Хочет когда-нибудь основать собственную фирму. И если будет продолжать в том же духе, то, по-моему, добьется своего. Руби живет в Бруме и изучает индустрию жемчуга. Больше всего ее интересует ювелирный дизайн. У нее есть несколько потрясающих изделий.

— И всех вас назвали в честь драгоценных камней.

У нее вырвался еле слышный смешок.

— Это придумала моя мама. Ее звали Перл. Этот ресторан, — она обвела зал рукой, — назван в ее честь. Она говорила, что мы все красивы и от рождения драгоценны, и ей хотелось, чтобы все это можно было понять по нашим именам.

Она помолчала, с грустью вспоминая мать. Свою милую, дорогую маму с печальными глазами, которая умерла в одиночестве, когда Опал было всего девять лет. Свою красивую, мягкую маму, единственное преступление которой заключалось в чрезмерной любви.

А все думали, что у нее идеальная жизнь, богатство, три очаровательные маленькие дочки и даже шикарный ресторан, названный в ее честь. Никто, кроме нее, не видел пустого супружеского ложа, не знал о постыдных изменах мужа и распавшемся браке.

Никто, если не считать Опал. Девочка чувствовала боль матери, но была слишком юной, чтобы что-то изменить. Разве что поклясться когда-нибудь помочь женщинам, попавшим в ловушку брака, из которого они не могут найти выход.

— Мне нравится ее философия.

До нее постепенно дошел смысл его слов.

— Вот как? — Она коротко рассмеялась. — Но я не уверена, что мой папа думал бы точно так же, если бы она родила ему сына. Как-то не могу себе представить, чтобы он позволил назвать мальчика Гранатом или Аметистом.

Доменик скривил губы.

— Когда умер ваш отец?

— Два года назад. — Опал нахмурилась. — Нет, теперь уже, пожалуй, два с половиной года назад. Судя по всему, тяжелый сердечный приступ.

— Очень жаль, — сказал он. — Управление отелями может оказаться на редкость нелегким, и я замечал, что это часто недооценивают те, кто не имеет отношения к такому бизнесу.

Опал отвернулась к окну, делая вид, будто ее интересуют туристы, снующие из магазина в магазин, и румяные бизнесмены, возвращающиеся к себе в офисы после ленча.

Конечно, люди, не имеющие отношения к гостиничной отрасли, почти ничего не знают о стрессах и напряжении подобного бизнеса. Особенно если эти стрессы связаны с надеждой произвести впечатление на девятнадцатилетнюю танцовщицу у шеста, которая очень хотела оказаться очередной миссис Клеменджер. Если бы отец проводил больше времени, изучая состояние их дел, то был бы жив до сих пор, а бизнес избежал бы неприятностей.

— И после смерти отца вы стали во главе «Клеменджерз». Ваши сестры не помогли вам?

Опал пожала плечами. Она не могла изменить то, что уже произошло; хотя от сознания этого не делалось легче. Если бы отец не умер в объятиях именно той девицы, на ее месте легко могла оказаться какая-нибудь еще. Находилось немало желающих быть на попечении богача, который годился им в дедушки. Удивительно, что он не женился на одной из них. Очевидно, ему нравилось выступать в роли разборчивого ловеласа.

— Просто так вышло. А у Сапфи и Руби такие художественные способности... Было бы несправедливо заставить их работать в гостиничном бизнесе, когда у них другое призвание. Тогда как я, сколько себя помню, жить не могла без «Клеменджерз», всегда хотела помочь, всегда хотела принять участие. Не могу себе представить, что стала бы заниматься чем-нибудь другим.

Доменик приподнял брови.

— Как я понимаю, сейчас пойдет речь обо мне. Разумеется, расстаться с «Клеменджерз» нам было бы нелегко.

Ей стало не по себе от его слов. Чтобы найти какое-то занятие, она отставила в сторону опустевшую тайную чашку и блюдо.

— Спасти «Клеменджерз» важно не только потому, что я этого хочу. Во-первых, от дальнейшей работы этой гостиничной сети зависят средства к существованию больше двухсот сотрудников и их семей. И, — продолжала она, — существует традиция. Только «Клеменджерз» обеспечивает такой тип, масштаб и уровень услуг. Это стоит спасения.

Он поднял руку.

— И вы говорите, что этот Маккуэйд, скорее всего, выиграет тендер? Как вы можете знать заранее?

Она сжала губы. Имя Маккуэйда подействовало на нее как удар ножом.

— Я приехала на встречу с брокером и как раз расплачивалась с таксистом, когда услышала, как два младших служащих в офисе, вышедшие покурить, обсуждают предлагаемые цены.

— Вы уверены?

— У меня нет никаких сомнений. Я была так потрясена, что спросила у брокера, и он в конце концов подтвердил. Знаете ли, я могу быть очень убедительной, когда захочу.

Доменик улыбнулся уголками губ, его глаза засияли.

— Я уже это заметил.

Она бросила на него недоверчивый взгляд. Он что смеется над ней?

— Значит, вам нужно, чтобы кто-то предложил большую цену, чем Маккуэйд? — спросил Доменик.

— Да, — сказала она. — Торги заканчиваются завтра в пять часов, так что времени немного.

— Ясно. Предположим, я выиграю тендер... Значит, ко мне переходит руководство «Клеменджерз», ее тремя отелями и всем, что к этому относится.

— Ну, в некотором роде... — Опал нервно облизала губы. — Скорее, доля в бизнесе.

— Что вы имеете в виду, говоря «доля в бизнесе»? Если мое предложение — лучшее, то я получаю бизнес целиком и полностью.

— В общем, да, но я думала, что, может быть, если я продолжу управлять «Клеменджерз» и она останется самостоятельной частью гостиничной сети «Силверз», то вы согласитесь на меньшую долю.

— Насколько меньшую?

— Ну... сорок девять процентов.

— Шутите? — Доменик резко повысил голос. — Вы ожидаете, что я предложу лучшие условия, чем остальные желающие, каждый из которых, как я понимаю, может стать владельцем «Клеменджерз»... — Он принял ее молчание за подтверждение и продолжил: — И все же я буду владеть всего сорока девятью процентами и контролировать только их. Это вообще нельзя назвать сделкой.

— Выслушайте меня. Вы получаете огромную долю в бизнесе, а я буду работать с «Клеменджерз» и с «Отелями Силверз», если понадобится. И не пройдет и года, как вы начнете получать прибыль, а приемы управления «Клеменджерз» сможете применить в управлении «Силверз». У других ваших отелей появится дополнительная выгода. Так что даже если вы не станете единственным владельцем, то все-таки добьетесь многого.

Опал должна была говорить убедительно. Только так она сумеет сохранить «Дом Перл», убежище, которое она открыла четыре года назад в заброшенном стандартном домике в старой части города.

«Дом Перл» был ее тайной. Опал основала его потому, что, хотя она так и не смогла помочь собственной матери, другим женщинам будет куда прийти, чтобы отдохнуть от домашних невзгод. Она заплатила за дом из собственного кармана, и большая часть ее личных денег уходила именно на это убежище, но если она потеряет контроль над «Клеменджерз», то, без сомнения, его скромное финансирование станет одной из первых жертв нового объединения. Однако, если она сумеет сохранить пятьдесят один процент бизнеса, ее тайну не раскроют и финансирование не пострадает.

Такой сценарий был бы гораздо лучше, чем успех предложения Маккуэйда. В подобном случае едва осталась бы возможность удовлетворить требования отдела налогообложения и банков. Кое-что Опал возместила бы из любой оставшейся ей доли, но после этого «Дому Перл» придется существовать самостоятельно. Она не позволит такому случиться.

Доменик покачал головой.

— Нет. Я не стану единственным владельцем. Я даже не получу контроль над бизнесом, который вы предлагаете. Вам нужен младший партнер, но с самым большим капиталовложением. Никто не согласился бы на такую одностороннюю сделку, и, уж конечно, ни один из Сильваньи. — Он так сильно ударил рукой по столу, что Опал вздрогнула. — Но если вы действительно считаете, что ваше умение управлять чего-то стоит, я гарантирую вам соответствующее вознаграждение. Тогда вы захотите сохранить за собой эту должность.

— Это все, что вы можете предложить? После того как я предоставила вам такую возможность? Разве вы не понимаете, что вам никогда бы не выпал подобный шанс, если бы над нами не висел такой долг по налогам?

— Это, как говорится, не моя проблема, — заявил Доменик.

— Но признайтесь, что мое вмешательство оказалось кстати. Ваш финансовый отдел даже не счел продажу «Клеменджерз» достойной внимания. По-моему, сделка, которую я предлагаю, весьма выгодна для вас.

— Послушайте, Опал, вы, конечно, понимаете, что, как только ваш бизнес будет продан, вы полностью потеряете над ним контроль.

— Да, но это было до нашего с вами разговора. Я думала, вы заметили выгоды совместной деятельности.

— Вы забываете, что я прежде всего бизнесмен. И не управляю благотворительным заведением.

— Я не прошу благотворительности!

— Тогда почему вы ожидаете от меня того, за чем не обращались к другим претендентам?

Она не могла назвать ему настоящую причину.

— Просто я предполагала, что вы лучше разбираетесь в этом бизнесе. Теперь понимаю: мне не стоило ждать, что вы посмотрите на него с моей точки зрения.

— Итак, мое предложение остается в силе. Я предлагаю лучшую цену, чем Маккуэйд, в итоге вы получаете достойное вознаграждение, а «Клеменджерз» спасена от бульдозеров.

Несколько секунд Опал молчала. Доменику хотелось знать, о чем она размышляет. Ее глаза переливались, и он начал подозревать, что девушка сейчас старается придумать какую-то интригу. Она не может говорить всерьез. Любой нормальный человек довольствовался бы спасением своих драгоценных отелей от разрушения. Что ж, она высказала свое мнение, и Доменик надеялся, она осознает: ни при каких обстоятельствах он не согласится на долю меньше ста процентов. Ни при каких обстоятельствах.

— Я должна над этим подумать, — наконец сказала Опал и встала из-за стола, как будто давая понять, что разговор окончен.

Доменик бросил на нее мрачный взгляд, не произнося ни слова. Ему было незачем что-либо говорить — она наверняка поймет, что он в ярости. Доменик Сильваньи только что потерял несколько часов, и все зря. Люди не отказываются от сделки, подобной той, которую он предлагал. То есть люди в здравом уме.

Надо отдать ей должное. Она получила серьезное предложение, которое спасет ее бизнес. Никто еще не предлагал ей таких выгодных условий, и в оставшиеся двадцать четыре часа больше никто и не предложит, а она намеревается подумать, как будто мяч на ее поле!

Она отличается от людей, с которыми он обычно имел дело. Тех, кто не моргнув глазом заключает сделки относительно имущества, капиталовложений и миллионов долларов, тех, кто знает, когда соглашаться на выгодную сделку, а когда от нее отказаться. Тех, кто знает, когда не стоит запрашивать слишком много.

Опал Клеменджер явно не входит в их число. Опал Клеменджер уникальна. Взгляд Доменика медленно скользил по ее фигуре. Восхищаясь ею, он приподнял брови, и его гнев сменило совершенно иное чувство.

Она действительно была уникальна. Ее тело скрывала дорогая ткань, но он мог легко представить кожу под одеждой, мягкую шелковистую грудь, слегка пухлый животик, а чуть ниже, под ним...

Какова Опал в постели? Что бы он почувствовал, если бы она обвила его своими длинными ногами, если бы ее груди напряглись, а сине-зеленые глаза засверкали, когда она потеряла бы голову от страсти?

Доменик дорого дал бы за то, чтобы это выяснить. Он уже давно не был с женщиной, и что-то ему подсказывало, что Опал Клеменджер на редкость темпераментна. Никто не смог бы

отстаивать свои отели с такой страстностью и при этом оказаться в постели холодным и безжизненным. Подобная пылкость явно у нее в характере.

Опал была утонченной и изысканной, как драгоценность, в честь которой ее назвали. Доменику случалось видеть, как играет огонь в драгоценном камне, и то же свойство было присуще ей. Огонь тлеет у нее внутри, а когда она сердится, наружу вырываются искры.

А сердить ее было интересно. Так же интересно, как пытаться выяснить, что ею движет. Ей понадобились его деньги, но, несмотря на это, она обращается с ним почти как с врагом.

Любопытно. Многие женщины соглашались со всем, что он говорит, и потакали ему в любых прихотях, а она казалась счастливее, когда между ними возникал спор. Такую строптивицу нелегко заманить к себе в постель.

А ему очень хотелось, чтобы она оказалась там.

И он ее получит.

Девушка странно глядела на него — так, будто чего-то ждала, и он улыбнулся про себя, зная, что резкая перемена темы окажется для нее полной неожиданностью. Да и как может быть иначе, когда это стало сюрпризом даже для него самого?

— Может быть, существует способ решить нашу проблему? — наконец спросил Доменик.

Опал растерялась и принялась нервно тереть полу жакета от Шанель.

— Не понимаю как, если вы не согласитесь на долю меньше ста процентов.

— Может быть, появится шанс, что я приму ваши условия.

— Примете?

— Но только с одной оговоркой, — добавил Доменик.

Она нервно сглотнула.

— И эта оговорка?..

— Очень проста, — начал он, — и, без сомнения, выгодна нам обоим. Вы добьетесь своего и получите благородного рыцаря, который выручит ваш бизнес, а я получу долю в сети шестизвездочных отелей.

Она не поняла, в чем дело.

— Но... чем это отличается от того, что я предлагала вам раньше?

— Очень просто. Я заплачу требуемую сумму и получу сорок девять процентов от вашего бизнеса. Должен сказать, что ни один Сильваньи никогда так не поступал. Вам надо согласиться только на одну вещь.

— И... и что же это будет?

Он встретился с ней взглядом.

— Выходите за меня замуж, Опал Клеменджер. Я вложу деньги в вашу гостиничную сеть на ваших условиях, если вы согласитесь стать моей женой.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Вашей женой? Вы, должно быть, шутите. Черт возьми, с какой стати мне на это соглашаться? — Опал заметила, что на них начали оборачиваться, вспомнила, где находится, сделала глубокий вдох и уже тише сказала: — По-моему, было бы разумнее закончить разговор у меня в кабинете.

По правде говоря, ей хотелось получить передышку. Как только он окажется у нее в офисе, она тут же поставит его на место. Разговор будет коротким.

Доменик пошел следом за ней, держась слишком близко, в чем вовсе не было необходимости. Ее дразнил аромат его дорогого одеколона. Но она продолжала шагать первой, направляясь к себе в кабинет — небольшой, но хорошо обставленный.

Черт побери, Опал дразнил вовсе не аромат его одеколона. Ее дразнил он сам. Доменик излучал силу и самообладание, что стало особенно заметно в маленьком кабинете Опал. Она даже пожалела, что не выбрала место попросторнее — может быть, зал заседаний совета директоров. Здесь нельзя было укрыться от Доменика Сильваньи, а сейчас ей хотелось оказаться от него как можно дальше. Но прежде она должна ответить «нет» на его нелепое предложение.

Стоя спиной к стене, она скрестила руки на груди, чувствуя, как колотится ее сердце.

— Я предлагаю вам долю в «Клеменджерз», — сказала Опал, стараясь говорить как можно спокойнее, — и это серьезное предложение. Мне бы хотелось, чтобы вы отнеслись к нему соответственно.

Он улыбнулся, наклонил голову набок и небрежно сунул руки в карманы. Опал взглянула на тонкую рубашку, облегающую его торс, прекрасный костюм, выгодно подчеркивавший сильное тело. Она сглотнула и снова перевела взгляд на его лицо. Он больше не улыбался, в глазах появился хищный блеск.

— Я совершенно серьезен. Вы соглашаетесь выйти за меня замуж, и я спасу ваши драгоценные отели. Все очень просто.

— Это полная нелепость!

— А ожидать, что я заключу сделку в обмен всего лишь на долю младшего партнера, не нелепость? — Доменик вынул руки из карманов и подошел ближе к столу, разделявшему их. — Вряд ли вы думали, что я так легко соглашусь на ваши условия. Вы наверняка ждали, что я в свою очередь выдвину собственные требования.

— Но брак? У вас большое самомнение, если вы надеетесь, что я немедленно отвечу «да»!

— Может, вы предпочитаете стать моей любовницей?

Должно быть, на ее лице появилось потрясенное выражение, и он, казалось, получил от него садистское удовольствие.

— Эта мысль не лишена привлекательности... — Он сделал паузу и внимательно посмотрел на

Опал, поглаживая подбородок, как будто всерьез обдумывал эту мысль. — Но нет, по-моему, мои родители обрадуются, если я наконец надену какой-нибудь женщине обручальное кольцо на палец.

— Я не стану ни вашей любовницей, ни вашей женой.

— Вам так не хочется выходить за меня замуж? — Доменик подошел ближе и остановился меньше чем в метре от Опал. — Вы очень красивая женщина. Я вижу огонь в ваших глазах, хотя вы и пытаетесь его скрыть. Думаю, мы могли бы стать хорошей парой.

— Кажется, вы решили, синьор Сильваньи, — прошептала она, полная решимости не дать ему смутить себя, — что интересуете меня как мужчина. Позвольте сказать вам прямо, чтобы не осталось недоразумений. Это деловая сделка. Меня не интересуют ваше тело — только ваши деньги.

Брови Доменика поползли вверх. Внезапно он поднял руку, нежно проведя большим пальцем по ее губам.

— Вы вполне в этом уверены?

— О, конечно, — усмехнулась она, когда ее колотившееся сердце немного успокоилось, и к ней вернулся дар речи. — Я никогда не ставлю секс выше бизнеса.

— Может быть, — сказал он, — это потому, что у вас еще не было такой возможности.

Опал отошла от него подальше. Она вспомнила, как в лифте он поймал ее в ловушку, и ей не хотелось снова предоставить ему эту возможность. Только оказавшись в безопасности у противоположной стены, она повернулась к нему лицом.

— С какой же стати я должна считать брак с вами какой-то возможностью? Разве вы не видите, что есть много причин, по которым из вашего предложения никогда не выйдет толку?

— Каких же?

— Мы едва знаем друг друга. — А то, что я о вас все-таки знаю, добавила она про себя, мне не нравится.

Доменик пожал плечами и прислонился к письменному столу.

— Это не проблема. Мои мать и отец познакомились в день свадьбы. Прошло почти пятьдесят лет, а они все еще женаты. Так что длительное знакомство вовсе не обязательно.

Опал хмыкнула.

— Что ж, может быть, они подошли друг другу. Но я даже не в вашем вкусе.

— Скажите, кто же именно в моем вкусе?

Опал вспомнила о фотографиях женщин, державших Доменика под руку.

— Наверное, молодая худая блондинка.

Он снова приподнял бровь, но улыбался уже не так самодовольно. Исчезло и выражение «я вас поймал».

— А какой тип мужчин нравится вам?

На этот раз засмеялась она.

— У меня нет определенных вкусов.

Доменик прищурил глаза, и она тут же догадалась, что он неправильно ее понял. При других обстоятельствах это могло бы ее позабавить. Девушка покачала головой.

— Я видела, как брак может заставить людей страдать. Мне не нравится мазохизм.

— Вы боитесь.

— Нет, — сказала Опал, зная, что говорит правду. Скорее, не желает рисковать. Что вполне понятно. Надо быть не в своем уме, чтобы связаться с таким, как этот плейбой. В ее памяти мелькали эпизоды из жизни матери: ее мамочка, веселая, красивая и такая счастливая, когда муж обращал на нее малейшее внимание, — как она радовалась и надеялась, что обстоятельства меняются, что на ее любовь ответили взаимностью, — а потом ей приходилось испытывать отчаяние, когда он снова покидал ее на много дней ради очередной любовницы.

Опал не могла понять всех отвратительных подробностей, но даже в девятилетнем возрасте чувствовала, что мать страдает, что она ощущает себя совершенно одинокой и ненужной. Ею не интересовались. Она лишняя. И ничего не могла сделать.

Зачем Доменик настаивает на этом браке? Хочет скрыть свой распушенный образ жизни? Или получить гарантию, что даже если он не сможет полностью контролировать «Клеменджерз», то, по крайней мере, добьется контроля над ней?

Мысль вызвала у нее ироническую улыбку. Из этого у Сильваньи ничего не получится, даже если она действительно согласится выйти за него замуж. А подобной возможности не существует. Но что же станет с «Клеменджерз»?

Опал нахмурилась. Сегодня утром Доменик видел ее такой растерянной, когда она стояла у окна, освещенная солнечными лучами. Теперь Опал казалась моложе и более хрупкой. Он привык вести переговоры и поэтому сразу понял: деваться ей некуда, так что ему пора завершать сделку.

— Я поручу моим адвокатам составить все необходимые бумаги. Мы должны действовать быстро, если официальную заявку следует сделать не позднее завтрашнего дня.

— Нет. Я же не сказала, что согласна.

— У вас почти нет выбора.

— Я не хочу выходить за вас замуж.

— Это всего лишь брак. Я же не прошу вас меня любить.

Она выпрямилась с чопорным видом.

— Я никогда не полюблю вас. Ни за что на свете. Вы даже не нравитесь мне. При подобных обстоятельствах, пожалуй, не стоит продолжать этот разговор.

Доменик спокойно смотрел на нее несколько секунд. Выражение темных глаз было

задумчивым. Потом он пожал плечами и хлопнул ладонями по бедрам.

— Что ж, судя по всему, вы не желаете спасти «Клеменджерз». — Он отодвинулся от стола и одернул пиджак.

— Но отели? — спросила она почти умоляюще.

— Вы приняли решение. Их получит Маккуэйд. Пусть делает с ними, что хочет. Мне все равно. — Упомянув Маккуэйда, Доменик задел Опал за живое. Он понял это по выражению побледневшего лица девушки, по тому, как расширились ее глаза, когда она поняла цену своего упрямства. Теперь пора разыграть последнюю карту. То, что теперь случится, зависит только от нее. — До свиданья, мисс Клеменджер. — Он с решительным видом направился к двери кабинета.

Опал наблюдала, как он пересекает комнату, сознавая, что вместе с ним за дверь сейчас выйдет будущее семейного бизнеса, который ей так хотелось спасти. От этого человека зависели карьера, жизнь, будущее стольких людей! Персонал, горячо преданный «Клеменджерз» и гордившийся своей работой. Ее сестры, которые были уверены, что она всегда принимает лучшее решение в делах, касающихся бизнеса. Но брак? Это же безумие.

Хотя... это всего лишь брак! Рассудок заклинал ее передумать, найти в этом безрассудстве смысл. Что значит одна свадьба в обмен на гарантированное будущее «Клеменджерз» и ее персонала? Как она сможет лишить их средств к существованию? Как сможет смотреть в лицо людям, работающим здесь, своим родственникам, зная, что могла спасти отели и отказалась от этой возможности? Неужели он просит слишком многого?

Дверь распахнулась. Сейчас Доменик окажется в коридоре.

— Подождите! — закричала Опал и бросилась к двери.

Он повернулся, пройдя полкоридора.

— Вы хотите что-нибудь добавить, мисс Клеменджер?

— Если у вас найдется еще одна минута...

Он взглянул на нее, потом посмотрел на часы.

— Пожалуйста, — попросила она.

Наконец Доменик пожал плечами в знак согласия. Опал привела его обратно в кабинет и закрыла дверь. В ушах у нее шумело так сильно, что она почти ничего не слышала.

— Этот брак... — начала она, облизывая губы, — то есть в том случае, если я соглашусь... полагаю, он был бы браком только по названию?

— Если вы согласитесь, — медленно заговорил он низким голосом с еле уловимым итальянским акцентом, — он будет браком по названию...

Опал выдохнула. С этим она справится. Раздельная жизнь, раздельные комнаты. Она станет заниматься «Клеменджерз» в Австралии, а Доменик — путешествовать по миру. Они будут редко видеть друг друга — об этом она позаботится. На таких условиях Опал примирится с браком. На таких условиях она примирится даже с Домеником.

— И, — добавил он, отвлекая ее от размышлений, — браком в спальне. Вы станете моей женой во всех смыслах этого слова.

Он не может говорить серьезно! Доменик улыбнулся. Судя по его глазам, он не шутил.

Опал лихорадочно пыталась собраться с мыслями, но в голову приходила одна и та же картина: она, обнаженная, в постели Доменика, в его объятиях. И это скоро может стать явью.

Как она могла вообразить, что Доменика устроит фиктивный брак? Разве он не предлагал ей стать его любовницей? Как глупо было надеяться, что Сильваньи не затащит ее в спальню, при том, что у него много женщин и, без сомнения, после свадьбы не изменится ничего. Зачем ему такая, как она, совершенно неопытная? Не то, что его любовницы. Если только для того, чтобы унижить ее еще сильнее.

— У меня не должна возникнуть причина для аннулирования.

Аннулирование. Конечно. Секс должен скрепить контракт. Тогда Опал уже не избавится от Доменика, а он наверняка не окажется в неловком положении. Доменик твердо намерен заставить ее вступить в нежеланный брак, ни больше ни меньше.

Опал глубоко вздохнула и попыталась прочистить пересохшее горло, но ничего не вышло. Во рту не осталось ни капли влаги. Она испарилась, так же как ее надежда.

— Я согласна на ваши условия, — наконец сказала она срывающимся шепотом. — Я выйду за вас замуж.

ГЛАВА ПЯТАЯ

— Ты выглядишь потрясающе! — Сапфи отошла на несколько шагов, чтобы посмотреть на свою работу. — Просто сногсшибательно. Недавно ты сбросила несколько килограммов, и платье сидит идеально. Даже кажется, что я его сшила специально для тебя.

— Может, ты принимаешь желаемое за действительное, — сказала Руби, протягивая сестрам бокалы шампанского. — Одной из нас давно пора замуж. — Она подняла свой бокал. — За Опал Клеменджер, самую красивую невесту на планете.

— За Опал Клеменджер, — добавила Сапфи, — которая скоро станет миссис Опал Сильваньи.

Опал улыбнулась одними губами. Она принялась рассматривать свое отражение в зеркалах, которые занимали целую стену от пола до потолка в номере люкс. Неудивительно, что она похудела. Один вид пищи вызывал у нее отвращение, да и чувствовала она себя омерзительно уже несколько недель, с тех самых пор, как согласилась участвовать в этом свадебном фарсе. А ее сестры думали, что она не ест от волнения.

Но кое в чем Сапфи оказалась права. Платье было изумительно. Кремового цвета, шелковое, без бретелек, с лифом, изящно расшитым бисером, и юбкой, спадающей грациозными складками, оно облегалo ее фигуру, подчеркивая формы. Туалет довершали бледно-золотистые перчатки до локтей и в тон им сверкающая вуаль, которую на волосах удерживала хрупкая диадема. Эту диадему надевала в день свадьбы ее мать.

— Красивое платье, Сапфи. Спасибо. И вы обе тоже выглядите фантастически.

Это было правдой. Сапфи придумала и сшила наряды обеим подружкам невесты в стиле,

который идеально подходил к платью Опал. Ярко-синий шелк выглядел утонченно и элегантно, оттеняя матовую кожу близнецов. Невероятно, но все же Опал сумела все организовать за данные ей четыре недели.

Ее сестры волновались не меньше, чем она. Но ведь Опал не поделилась с ними подробностями. Они решили, что она потеряла голову и по уши влюбилась в своего итальянца. Единственное, что Опал на самом деле теряла, — это гордость, капля по капле, по мере приближения церемонии.

Как сейчас чувствует себя Доменик? После той первой встречи она видела его всего один раз, когда он ненадолго вернулся в Сидней две недели назад. Им хватило времени только на то, чтобы поговорить о делах: насколько независимыми будут отели Клеменджеров и какую часть бизнеса можно модернизировать, не меняя его характера.

При встрече Доменик был с ней вежлив, но не более того. Он совершенно не был похож на счастливого жениха, и ей приходилось постоянно напоминать себе: через две недели этот невозмутимый мужчина станет ее мужем. Без сомнения, он был отличным бизнесменом, а между ними, в конце концов, всего лишь деловая сделка. Как только она дала ему согласие, он двинулся дальше, сберегая энергию для других, более достойных предприятий.

После этого они общались только через электронную почту. Даже обручальное кольцо доставили ей с курьером. Доменик разработал свадебный сценарий, принимая все решения: относительно даты, места, гостей. Он действовал на редкость умело и с молниеносной скоростью. Не стал даже ждать, пока отец завершит курс химиотерапии, чтобы его родители смогли приехать в Австралию. Вместо этого он собирался через несколько месяцев отвезти Опал в Италию, на празднование пятидесятилетия свадьбы старших Сильваньи. Тогда они и познакомятся.

Родители не приедут, будут лишь считанные родственники — так что свадьба получится не очень пышной. И все же Опал не разрешила проявлять инициативу, за исключением приглашения сестер. Если бы она не настояла на том, что сама выберет свадебное платье, он бы позаботился и об этом.

Опал отпила глоток из бокала, надеясь, что напиток успокоит ей нервы, но у вина оказался резкий вкус, и она отставила бокал в сторону, ее настроение годилось для шампанского не больше, чем для самой свадьбы.

В дверь постучали, и Сапфи пошла открывать. Она вернулась с маленьким, размером с книгу, свертком и с запиской.

Опал взяла сверток, недоумевая, что это может быть.

— Открой его, — попросила Руби. — Это наверняка от Доменика. Как романтично!

— Очень мило, — согласилась с ней Сапфи. — Кто бы мог подумать, что ты начнешь искать для «Клеменджерз» делового партнера, а в результате будет еще и свадьба? И невестой станет девушка, которая говорила, что никогда не выйдет замуж? Наверное, он потерял от тебя голову, раз так быстро повел к алтарю. Должно быть, он от тебя без ума.

Опал посмотрела на сестер. Обе так радовались этой свадьбе. У них сияли глаза, и они говорили о романтике и любви. Если бы они только знали...

Может быть, ей следовало бы открыть им правду. Сказать с самого начала, что это не

настоящий брак, а просто часть делового соглашения, чтобы спасти «Клеменджерз».

Но она не смогла бы вынести, если бы сестры узнали печальную и унижительную истину — ее шантажом заставили выйти замуж. О любви даже и речи не шло.

Опал потянула узел, и атласная ленточка соскользнула на пол. Девушка подняла крышку и ахнула. Обе сестры бросились посмотреть. Внутри оказалось изящное золотое ожерелье, украшенное по всей длине маленькими опалами, с пятью опаловыми подвесками, каждую из которых обрамляли бриллианты, образуя звезду. Гарнитур довершали серьги. Опал держала подарок на ладони, ее рука дрожала, и драгоценности перекатывались в футляре, переливаясь всеми цветами радуги.

— Вот это да! — вырвалось у Сапфи. — Как красиво! Он купил тебе опалы.

Невеста разглядывала их, потеряв дар речи. Кроме всего прочего, это были не обычные камни, а черные опалы, самые редкие и дорогие.

— О-о! — выдохнула Руби. — Они великолепны. Что в записке?

Сапфи взяла футляр, и Опал вскрыла маленький конверт. Она увидела написанную от руки записку, на удивление краткую: «Надень их сегодня. Доменик».

— Да уж, немногословно, — хмурясь, сказала Руби, прочитавшая записку через плечо сестры.

Опал засмеялась и бросила бумагу на диван. Если бы у нее и были какие-то надежды, что этот подарок означал, будто Доменик не считает ее только имуществом, которое приобретается вместе с гостиничной сетью, его короткое письмо окончательно поставило бы ее на место.

К счастью, она прекрасно понимала, что их брак — лишь деловое соглашение, так что не была разочарована. Отсутствие эмоций служило для нее естественным обезболивающим.

— Посмотрим, как они выглядят на тебе. Стой спокойно. — Сапфи обвила шею сестры ожерельем и застегнула его.

Опал сняла бриллиантовые сережки-гвоздики и заменила их серьгами с опалами.

— О, потрясающе! — воскликнула Сапфи. — Я немного боялась, что они не идут к платью, но они просто идеальны. Мне бы и в голову не пришло, что этот цвет так хорошо подчеркивает наряд. Раньше мне казалось, ты выглядела как принцесса. Но с этими украшениями ты похожа на королеву.

— Ты действительно выглядишь великолепно, сестричка. Доменик не сможет на тебя наглядеться. — Руби взяла ее за руку и повернула к зеркалу. — Посмотри сама.

Они говорили правду. Платье было изумительным, но венцом красоты оказались драгоценности. Может быть, это чересчур? Вид невесты из сказки казался обманом: ведь сама свадьба, по существу, была условием контракта.

Она прикоснулась к ожерелью и заметила, как оно изменило свой цвет. Бриллианты засверкали в зеркальном отражении. Опалы... Со стороны Доменика это красивый жест. Но как ей относиться к такому щедрому подарку?

Опал следовало прочитать последний вариант их контракта, прежде чем подписать сегодня

бумаги, но она не могла заставить себя изучить его снова. Кроме того, теперь уже поздно отказываться от сделки.

В дверь осторожно постучали. Сапфи посмотрела на часы и улыбнулась.

— Берите букеты, девочки. Праздник начинается.

В красивой часовне, сбоку от отеля «Клеменджерз», звучала органная музыка. В старинные витражные окна били лучи предвечернего солнца, и их цвет постоянно менялся. Красиво, создает определенную атмосферу и... непохоже на реальность.

Опал остановилась в открытых дверях, сестры стояли у нее за спиной. Она одна пойдет по проходу, отец не будет сопровождать ее. Никто не поведет ее к алтарю и не отдаст жениху. Но ее и не отдавали. Ее покупали.

Она затаила дыхание при первых нотах «Свадебного марша». Сейчас нужно сделать несколько шагов по проходу, к мужчине, который станет ее мужем.

Доменик повернулся, их взгляды встретились. У нее перехватило дыхание, а внутри все сжалось.

Боже, как же он красив!

Глядя на него, можно было подумать, что находишься в присутствии кинозвезды, и от этого у Опал замирало сердце. Доменик ждет ее, ждет, чтобы она вышла за него замуж.

Опал двинулась медленным шагом навстречу своей новой жизни. Таким же медленным шагом шла ее мать больше четверти века назад. И мама была счастлива. Ее ожидало будущее, полное обещаний и любви. Или так она в то время думала.

Вот и Опал точно так же идет к жениху. Но нет речи ни о любви, ни о браке, заключенном на небесах. Нет и сожалений. В конце концов, ей повезло больше, чем матери.

Доменик взял ее за руку.

— Улыбнись, — сказал он, и она поняла, что прошла по проходу на автопилоте, не видя никого из гостей, ничего не чувствуя. — Ты выглядишь поразительно.

Опал подняла на него глаза. Неужели он только что сказал о ней такое? Он улыбнулся, и она поняла, что не ослышалась. Его взгляд был гораздо красноречивее слов. В первый раз за весь день по ее жилам растеклось тепло, и щеки запылали.

Почему он действует на нее таким образом? Опал не хотела выходить за него замуж... так почему же ей становится так хорошо только от одного его взгляда?

— Ожерелье красивое. Спасибо, — прошептала она, в то время как к ней подходили сестры.

— Оно и вполнину не так красиво, как ты.

Вот это да! Если она не остережется, то, пожалуй, решит, что это настоящая свадьба. А если такое случится, ей грозят серьезные неприятности. Гораздо лучше думать, что он играет роль в пьесе — так же, как она.

Немного погодя священник начал службу, и девушка поняла, что пропала.

— Объявляю вас мужем и женой. — Священник повернулся к жениху. — Теперь можете поцеловать невесту.

Опал непонимающе посмотрела на него, но, почувствовав, что ее дергают за руку, снова перевела взгляд на Доменика, который не сводил с нее глаз. Он глядел на нее сверху вниз с несколько насмешливым выражением.

— Мистер Сильваньи?

— О! — Доменик наклонился и поцеловал Опал. Когда он приник к ее губам, девушку охватили непонятные чувства. Отчасти это напоминало продолжение поцелуя в лифте, но все же было чем-то совсем другим. Чем-то большим.

Сперва его губы лишь скользнули по губам Опал, нежно добиваясь ответа. Она приоткрыла рот, и он коснулся языком ее языка, обвел его очертания. Спротивляться было трудно.

От Доменика пахло виски и мужским одеколоном.

Но сильнее всего в нем чувствовалось желание. Он хочет ее! У Опал по спине пробежала дрожь. Даже мало что понимая по неопытности, она знала, что нужна ему. Это ощущалось в его прикосновении, в его умелом поцелуе.

Неужели он так целует других женщин? А те вот так же обмирают в его объятиях, когда он очаровывает их своими поцелуями, а его тело обещает им, что это — лишь начало того, что будет дальше? Как бы то ни было, он привык брать то, что хочет.

От ужаса Опал оцепенела. Он явно собирается осуществить брачные отношения сегодня ночью. Их секс должен стать завершением этого странного делового соглашения.

Но у нее нет выбора. Она выполнит условия их контракта, станет его женой, но вовсе не обязательно влюбляться в него. В контракте об этом абсолютно ничего не сказано.

Наконец Доменик поднял голову и вопросительно посмотрел на нее, слегка нахмурив лоб. Она моргнула и ответила ему невинным взглядом. Почувствовал ли он ее холодность? Или просто ждал, что она ответит на его поцелуй? Наверняка не привык оставаться без ответа. Она могла себе представить, что испытывать такое ему еще не доводилось.

Зал Лунного Света на верхнем этаже был прекрасным местом для приема. За широкими мраморными колоннами и облицованными камнем дверями находились просторные галереи. Массивные пальмы в кадках достигали в высоту несколько метров, но все же не касались высокого матового потолка, сквозь который проникал лунный свет. В зале звучала камерная музыка в исполнении квартета.

Официанты разносили напитки и закуски. Моральное состояние персонала «Клеменджерз» заметно улучшилось с тех пор, как Опал объявила об инвестициях «Отелей Силверз». Многие подходили к ней, сообщали, что перестали просматривать газеты в поисках работы в другой гостинице, и делились планами на будущее.

Сейчас их благодарность выражалась в том, что они делали все, чтобы этот свадебный прием

стал идеальным. А на душе у Опал скребли кошки. Она обманывала свой персонал, обманывала своих сестер. При таких обстоятельствах было невероятно трудно улыбаться и принимать добрые пожелания гостей.

Кто-то похлопал ее по плечу, и она повернулась, заранее растянув губы в улыбке, приготовившись выслушать очередное поздравление. Блондинка в облегающем красном платье показалась ей смутно знакомой. Та оглядывала Опал как пристально, не скрывая своего интереса, что у нее по коже побежали мурашки. Неудивительно, что некоторые гости были ей незнакомы. Доменик сам занимался списком приглашенных, как и всем остальным. Он поступил умно и позаботился о том, чтобы в число гостей включили влиятельных лиц из бюро путешествий: тогда сделка «Клеменджерз» — «Силверз» получит еще более широкую известность.

— Мы с вами не встречались, — произнесла блондинка с протяжным американским акцентом, — но я не могла не познакомиться с умной женщиной, которой наконец удалось покорить Доменика.

Опал показалось, что женщина говорит весьма недоброжелательным тоном. И, судя по ее дыханию, она немного перебрала шампанского.

— Спасибо, — сказала Опал. — Я рада, что вы нанесли нам визит.

— Домми настоял, чтобы я приехала.

Опал все поняла. Фотографии! Это была одна из блондинок — актриса, которая повисла на руке Доменика. Как мило, что он додумался пригласить одну из своих подружек. Судя по всему, брак не изменит его образ жизни.

— А я никогда не могла отказать Домми.

Блондинка отпила из бокала с шампанским. Ее глаза заблестели, в них появилось выражение торжества.

— Что ж, с ним гораздо легче соглашаться, верно? — Опал мило улыбнулась женщине, хотя в глубине души ей хотелось выплеснуть на нее содержимое бокала. — Я пыталась, но Домми просто не принял мой отказ. Он настаивал, чтобы я вышла за него замуж. — Она пожала плечами и весело хохотнула, наблюдая, как меняется выражение лица ее собеседницы: победа уступает место поражению. — Прошу прощения, я должна распорядиться насчет закусок. Рада была познакомиться, мисс?..

Но блондинка уже ушла — направилась напрямиком к официанту, проходившему мимо с шампанским на подносе.

— Ты даже не притронулась к еде, — сказал Доменик, наклоняясь к ней, когда они наконец уселись перекусить за главный стол с роскошной сервировкой. — Ты должна поесть.

— Я не голодна.

Блюдо, к которому она не притронулась, сейчас же унес официант, вместе с пустой тарелкой Доменика.

— Когда мы виделись в последний раз, ты не была такой худой.

Она гневно посмотрела на него. Чего он еще ждал? Этот месяц не прошел для нее гладко.

— Не понимаю, с чего бы это?

Судя по его глазам, ему не понравился ее тон. Ну и пусть. У нее все сильнее и сильнее болела голова. Она потеряла висок.

— Тебе нездоровится?

— Нет. Ничего особенного.

— Если понадобится, можно вызвать врача. Ты должна быть абсолютно здоровой, раз собираешься в ближайшем будущем родить мне сына.

Перед глазами у нее все поплыло.

— Что ты сказал?

Он пожал плечами и положил салфетку на стол.

— Тебе нужно поправиться. Чтобы родить мне наследника, ты должна быть сильной. Я не хочу, чтобы ты продолжала худеть.

— А кто сказал, что я рожу тебе наследника? Если я и согласилась с тобой спать, это не означает, что должна родить тебе ребенка. Честно говоря, мне будет достаточно нелегко перенести ночь с тобой, не говоря уже о зачатии твоего отпрыска.

Опал очень хотелось освежиться водой со льдом, чем угодно, лишь бы успокоить нервы. Но не успела она поднять стакан, как Доменик схватил ее за запястье. Вода выплеснулась ей на руку. Он не обратил на это внимания.

— Полагаю, ты все-таки прочитала свой экземпляр контракта, прежде чем подписать его и отослать обратно?

Наблюдая со стороны, можно было подумать, что между ними идет любовная игра и влюбленные обмениваются секретами. Если не замечать жгучей ярости, раскалившей воздух, которым они дышали, мертвой хватки его пальцев, сжимавших ее руку. Опал выпустила стакан. Он выскользнул у нее из пальцев и, перевернувшись, упал на стол. Опал смотрела на льянную скатерть, на которой расплывалось пятно, но перед глазами стояла пелена.

Контракт. Адвокат советовал ей по возможности ничего не менять. Как глупо, что, прежде чем подписать бумаги, она не прочла их, одно унизительное условие за другим. Доменику нельзя было доверять ни на дюйм.

— Я не могла согласиться рожать ребенка. О таком мы не договаривались.

В ответ он еще сильнее сжал пальцы. Она поморщилась.

— С какой, по-твоему, стати я настаивал на том, чтобы наш брак был настоящим, если не ради детей? Как еще я смогу дать моей семье наследника? — Доменик немного помедлил, словно давая ей время осознать его слова. — Вряд ли ты воображала, что я потерял голову от твоей небесной красоты.

— Ни минуты не воображала, — ответила она ему. — И тоже не в восторге от твоего общества.

Он выпустил ее руку, которую Опал прижала к себе, потирая горящую кожу. Потом она встала.

— Куда ты?

— Я должна каждый раз тебе сообщать, когда мне нужно в туалет? Это тоже условие контракта?

Он промолчал, но бросил на нее сердитый взгляд. Она повернулась к выходу и услышала, как он шепотом выругался.

Голова разболелась невыносимо. Опал застыла, вцепившись в мраморную стойку в дамской комнате. Ей было незачем смотреть в зеркало. Она и так знала, что выглядит измотанной.

Дело не только в головной боли. У нее болело все тело. Плечи не могли расслабиться, шея одеревенела, она чувствовала себя опустошенной, и ее тошнило.

Опал повращала головой, пытаясь по возможности расслабить шею и плечи, зная, что, даже если она сумеет хотя бы немного успокоиться, это все равно ей мало чем поможет.

В зале остался человек, за которого она только что вышла замуж. И который ждет, что она поведет себя как его жена и исполнит свою роль в этом фарсе. Будет танцевать с ним вальс, разрежет многослойный торт, а в последнем акте поднимется в номер люкс для новобрачных и разделит с ним постель.

Она тяжело задышала, чувствуя слабость и головокружение.

Неужели это никогда не кончится?

Сегодня ночью Доменик будет ждать от нее секса. Он захочет вступить с ней в брачные отношения, и у Опал не останется ни одного шанса избавиться от их сделки.

А сексуальный опыт такого мужчины, как Доменик, наверняка был огромным. Что он о ней подумает?

Разочаруется? Пожалеет о поспешном решении на ней жениться? Неужели в его постели она испытает еще большее унижение?

Опал ходила взад и вперед по дамской комнате, массируя одеревеневшую шею.

С ней не должно было случиться ничего подобного. Она никогда не собиралась замуж, никогда не испытывала серьезных чувств. Она старалась избегать сближения с мужчинами, чтобы не дать себя в обиду, не обрекать на отношения, которые закончатся крахом.

Опал упорно воздвигала барьеры вокруг своей жизни, и они сослужили ей хорошую службу. Так почему же сегодня она оказалась в подобной ситуации?

Ее вынудили шантажом вступить в брак с женщиной, который не видит ничего из ряда вон выходящего в том, чтобы пригласить на свадьбу свою любовницу. Ее шантажировал плейбой.

Она глубоко вздохнула. К счастью, головная боль и напряжение заметно спали.

Больше медлить нельзя. Нужно выйти и действовать дальше. Может, он на нее рассердится, когда узнает. Может быть, просто сочтет молодую жену неудачницей, которая оказалась

неспособна подцепить парня, не пообещав в придачу гостиничную империю.

Как бы то ни было, Доменик Сильваньи получит больше, чем ожидал. Он получит девственницу.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Комната в номере люкс для новобрачных выглядела элегантно и богато обставленной; карнизы были украшены купидонами с луками, занавески с рюшами в несколько слоев драпировали большие венецианские окна. В серебряном ведерке со льдом охлаждалось шампанское, рядом стояли два хрустальных бокала. На подносе красовалась шоколадная корзинка с клубникой.

Но больше всего Опал занимала кровать. Большая кровать с пологом на четырех столбиках, ожидающая своих новых обитателей. Вышитое атласное покрывало было откинута, каждую подушку украшала орхидея. Шелковая ночная рубашка Опал лежала на кровати.

Девушка заставила себя пересечь комнату. Доменик поднимется в номер через полчаса. Он сказал, что даст ей возможность приготовиться, и она была ему благодарна за это. Хотя подозревала, что он с удовольствием побудет подольше наедине со своей давнишней знакомой актрисой.

Держа в руке ночную рубашку, Опал вошла в роскошную мраморную ванную комнату, миновала большую ванну и душ для двоих и направилась к длинному туалетному столику, где уже выстроились аккуратными рядами ее туалетные и косметические принадлежности возле более скромного набора Доменика.

Значит, вот что такое замужество. Мужчина и женщина спят в одной постели, пользуются одной ванной. Опал внимательно изучила его вещи. Бритва с серебряным лезвием. Антиперспирант. Флакон одеколона. Зубная щетка. Немного. Опал задумалась. Что ей известно о мужчине, с которым она связала себя узами брака? Главным образом то, что ему принадлежит одна из наиболее успешных гостиничных сетей в мире и что он, мягко выражаясь, привык получать то, что хочет. Не говоря уже о том, кого он хочет.

Еще несколько минут, и она наверняка узнает больше — хочет она того или нет.

Опал вздохнула. Надо принять душ, и головная боль пройдет окончательно.

Она сняла украшения — опаловое ожерелье и серьги, которые подарил Доменик, и диадему своей матери, — после чего сбросила платье. И уже почти полностью смыла макияж, как вдруг почувствовала знакомые судороги в животе. На несколько дней раньше... Она переволновалась из-за всего, что с ней происходило, и это подействовало на ее организм.

Теперь можно больше не думать о брачной ночи. Ее губы тронула еле заметная улыбка. В некотором роде это даже забавно, хотя вряд ли Доменик с ней согласится.

Несколько минут спустя Опал стояла под мощным напором двух струй воды и чувствовала, как тепло проникает в ее кожу, как уходит напряжение и настороженность и усталая плоть расслабляется.

Райское блаженство. Еще совсем немного, и она выйдет, но пока что доставит себе удовольствие и постоит под душем, закрыв глаза и подставив лицо потоку воды, придающей ей свежести и сил. Наконец-то она забудет о страданиях, которые перенесла сегодня. И

перестанет трепетать перед предстоящей ночью.

— La sirena. Русалка.

Голос Доменика развеял ее мечтательное состояние. Опал открыла глаза, пытаясь прикрыть руками обнаженное тело. Она повернула голову и увидела Доменика сквозь прозрачные стеклянные двери. Он прислонился к туалетному столику, положив руку на галстук-бабочку. Дернул за галстук раз, другой, и тот развязался. Еще один рывок, и галстук выскользнул из-под воротника и, кружась, опустился на пол.

— Моя русалка.

Опал ахнула, моргая из-за капель воды, повисших на ресницах. Ей хотелось убежать и спрятаться. Ее нагота несколько его не смущала. Она-то полагала, что наденет ночную рубашку, ляжет на гладкие, атласные простыни, укроется и выключит свет. Неужели он так все и задумал и именно поэтому позволил ей пойти в номер первой — чтобы помешать спрятаться в постель и не дать себя разглядеть?

— Я уже заканчиваю, — еле слышно произнесла Опал. — Пожалуйста, дай мне полотенце.

— Не беспокойся, — сказал он. Теперь его рука касалась пуговиц рубашки, расстегивала их одну за другой. — Я сейчас к тебе присоединюсь.

Доменик, должно быть, шутит! Вряд ли он собирается войти.

— Я слишком задержалась. — Опал сделала шаг назад, надеясь оказаться поближе к полотенцам. Как долго он за ней наблюдает?

— Оставайся там.

Опал уставилась на него, собираясь возразить. Конечно, они муж и жена, но она все же имеет некоторое право на личную жизнь. Но, поймав его взгляд, Опал промолчала. Он сбросил рубашку, и его обнаженная оливковая кожа заблестела при свете лампы. Она увидела широкие плечи и мощный торс. Темные соски и еще более темные завитки волос на груди.

Внезапно Опал впервые в жизни испытала искушение. У нее была причина сердиться на него, много причин. Но это не мешало ей искренне восхищаться его телом. Он был фантастически красив, и она желала коснуться его, прижаться к нему, желала так, что теряла рассудок.

Руки Доменика легли на ремень. Опал перевела на них взгляд и заметила, как играют мускулы его живота, а пальцы расстегивают пряжку. Девушка сглотнула, когда ремень упал на пол.

Он раздевается. Для нее.

Опал охватила паника. Прикрытые ладонями груди поднимались и делались тверже, соски реагировали, их чувствительность становилась сильнее, по мере того как внутри ее тела разгоралось желание, от которого у нее оцепенели руки и ноги.

Его руки расстегнули пояс брюк. Опал увидела линию темных волос, спускающуюся от пупка. Когда он расстегнул молнию на брюках, у нее перехватило дыхание, и она отвернулась, чувствуя, как пылают щеки.

Судя по звукам, раздававшимся у нее за спиной, Доменик снимал брюки. Они упали на пол, и

секундой позже Опал услышала шелест шелка.

Стеклянная дверь распахнулась за спиной Опал. И она сделала глубокий вдох, пытаясь собраться с силами.

Боже, что же сейчас будет!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Доменик обнял ее за плечи, и Опал задрожала, когда он оказался рядом с ней под водопадом.

Она старалась вести себя по возможности спокойно, казаться осведомленной, но ничего не получалось. Его тело прижималось к ее телу, он испытывал желание; у нее учащенно бился пульс, и она была в панике.

— Нет, — сказала Опал. — Мы не можем...

— Повернись, — перебил он ее. В его голосе было нечто особенное, и она слушала как замороженная, не двигаясь с места.

Доменик повернул Опал за плечи, лицом к себе. Потом он нежно отвел ее руки, которыми она прикрывала грудь, так, что они оказались у нее по бокам, а она стояла перед ним совершенно беззащитная. Он приподнял подбородок Опал. Наконец их взгляды встретились, и она вздрогнула, увидев откровенное желание в его темных глазах. Он хотел ее.

И, впервые в жизни почувствовав жгучую страсть, она осознала, что, несмотря ни на что, тоже его хочет. И это пугало ее сильнее всего.

— Ты моя жена, — сказал Доменик, проводя пальцами по ее щеке. Веки Опал затрепетали, когда его рука скользнула по ее груди, обводя линии тела. — Тебе незачем от меня прятаться.

Он наклонился к ней, положил ладонь на шею Опал и поцеловал в губы, нежно их лаская и требуя ответа. У Опал закружилась голова от поцелуя, от прикосновения пальцев Доменика, сжавших ее затвердевший сосок и дразнящими движениями заставлявших его стать еще тверже. Она почувствовала, как сильно возбужден Доменик.

Опал испытывала ощущения, совершенно непохожие на те, что ей доводилось переживать раньше.

Доменик целовался умело, его язык проник ей в рот, сплетаясь с ее языком, и она, не в силах устоять, ответила на его поцелуй.

Опал коснулась его, сначала нерешительно, положив ладонь ему на талию, проводя по гладкой коже и чувствуя сильные мышцы под ней. Ей хотелось большего. Ее руки двинулись дальше, одна рука задержалась на твердом кончике соска, и на этот раз вздохнул Доменик. Он оторвался от ее губ, поцеловал подбородок, провел языком по изящной шее. Положил ей руку на спину, и она выгнулась, когда он коснулся губами одной из ее грудей и взял в рот сосок, облизывая пухлый кончик.

Девушку как будто пронизывали молнии такими яркими и острыми были ощущения, которые отзывались глубоко внутри нее. Она крепко обняла Доменика, вцепившись в мокрые плечи. У нее едва не подкосились колени, когда его рот оторвался от одной ее груди и почти сразу же припал к другой.

Каждое прикосновение, каждый поцелуй вызывали в ней новые чувства, пронизывали новыми вспышками огня. Она утратила над собой контроль. Потеряла голову. Безнадёжно заблудилась в лабиринте страсти и желания, в который ее увлек Доменик.

Он положил ей руку на талию и провел вниз по животу, после чего его ладонь внезапно скользнула вниз. На Опал нахлынула паника.

— Нет! — отшатываясь, воскликнула она.

Он удержал ее, остановив возражения новым поцелуем, от которого у нее закружилась голова. Рука снова двинулась вниз, к ее стройным бедрам.

— Пожалуйста, нет, — повторила Опал и в смущении отвернулась.

— Я этого хочу. И ты тоже хочешь, — произнес Доменик, задыхаясь от желания.

— Сейчас неподходящий момент.

Он остановился и посмотрел на нее сверху вниз, недоверчиво нахмутив лоб.

— У тебя месячные?

Опал кивнула. Потом поспешно прикрыла грудь руками, вспомнив о своей наготы.

— Это имеет значение? — спросил он. Она снова кивнула:

— Ну, если ты хочешь, чтобы я родила наследника империи Сильваньи, то да, имеет. Должна сказать, что, по-моему, сегодня ночью я вряд ли смогу зачать ребенка.

Доменик повернулся и закрыл краны.

— Ты говоришь так, будто рождение ребенка это худшее, что может случиться.

Он распахнул стеклянную дверь, взял махровый халат и бросил ей. Второй халат накинул на себя.

— То, что я думаю о детях, — это одно дело, — сказала Опал, выходя следом за ним из душа. — Но ты ждешь, чтобы я стала какой-то... — она лихорадочно искала подходящее выражение, — какой-то теменной кобылой! — Последние два слова она выкрикнула обвинительным тоном.

Доменик сердито посмотрел на нее.

— Если ты собираешься быть моей женой, то должна принести какую-нибудь пользу.

— Значит, вот что меня ждет! Стать производительницей потомства Доменика, подлинного итальянского жеребца! Поразительное везение!

Опал пожала плечами и потянулась за полотенцем, чтобы вытереть волосы. И спрятать лицо. Так вот почему он устроил страстную сцену в душе — чтобы она принесла «пользу». На миг ей почти захотелось поверить, что она его интересуется. Как же! Он просто готовил ее к зачатию. А она изо всех сил ему помогала.

— И долго это будет продолжаться? — поинтересовался Доменик.

— Пять дней, может быть, неделю. Началось только сегодня ночью.

— И тебе не пришло в голову сказать мне, что у тебя скоро месячные, когда мы готовились к свадьбе?

— К свадьбе готовился ты. Я здесь ни при чем. Ты назначил дату и время. А меня не спрашивали. Так же как не спрашивают, хочу ли я родить ребенка.

Он не ответил, глядя на нее с каменным выражением лица.

— Впрочем, — усмехнулась Опал, — если на то пошло, еще рано. Я не думала, что месячные начнутся сегодня.

Доменик фыркнул:

— Как удобно.

Она взяла щетку и начала с силой расчесывать взъерошенные после душа волосы, как будто желая забыть прикосновения Доменика.

— Действительно, очень удобно. Ты сразу прекратил меня лапать.

— Только что ты, кажется, не очень возражала, когда тебя лапали.

Она постаралась не думать о том, что он сказал правду. Несколько минут назад ее выбил из колеи вид — и прикосновения — голого мужчины. Мужчины, за которого она вышла сегодня днем замуж и который заставил ее испытать неведомые ощущения. Неудивительно, что она потеряла голову.

— Наверное, с моей стороны было наивностью не понять, что ты не станешь терять время даром и тут же начнешь готовить меня к обязанностям матери.

— Пожалуй, не все бы так сильно возражали.

— Я в этом не сомневаюсь. Достаточно посмотреть, как некоторые из наших гостей лезли вон из кожи, стараясь доказать мне, как тебе приятно с ними общаться.

— О чем ты говоришь?

Она откинула голову назад.

— Твоя подруга на приеме. Блондинка в красном платье.

Доменик приподнял бровь.

— Ты разговаривала с Эммой?

— Она очень хотела со мной познакомиться, — сказала Опал. — Сразу видно, что она получает огромное удовольствие от твоего общества.

Он шагнул к ней. Судя по холодному взгляду, его улыбка была притворной. Протянув руку к шее Опал, он провел по нежной коже в вырезе халата.

— Знаешь, когда ты сердишься, твои глаза пылают огнем. Или, может быть, это от ревности?

Опал отшатнулась от него. Ревность! Какое нахальство! Как будто ей не все равно, с кем он общается. Нет сомнений, что в недалеком будущем у него появится гораздо больше таких Эмм. Они будут регулярно приходить и уходить, а ей, как и ее матери, придется по возможности мириться с их вереницей.

— Ты дурачишь сам себя. Однако первый раз ты угадал верно. Я сердита — сердита потому, что ты совершенно не считаешься со мной. Приводишь именно сюда свою подружку — на нашу свадьбу. Мне все равно, что ты делаешь и с кем видишься, но я прошу тебя, по крайней мере, соблюдать приличия.

Доменик сжал челюсти.

— И ты думаешь, будто я ее пригласил? Эмма приехала в Сидней, чтобы участвовать в рекламной кампании своего последнего фильма.

Опал посмотрела на него, на его темные волнистые волосы, влажные после душа. Ей хотелось ему верить... Но мама тоже поверила когда-то ее отцу, поверила его лжи и фальшивым обещаниям. Опал уже ученая и не позволит себе попасть в ту же ловушку.

— Как удобно, — язвительно повторила она слова Доменика.

Он смотрел на нее долго — казалось, несколько минут — и пристально, с задумчивым выражением. Лицо потемнело, лоб нахмурился.

— Действительно, очень удобно, — бросил он, выходя в гардеробную. — Не жди меня, ложись.

Опал слышала, как Доменик открывает ящики и распаивает дверцы шкафов. Потом хлопнула дверь, и наступила тишина. Он ушел.

Прошло несколько часов. Опал беспокойно вертелась в кровати, глаза болели от усталости, но она не могла заснуть. Огромная кровать для новобрачных... Теперь это казалось насмешкой. Ее брачная ночь. Ее брачная постель. И она — в одиночестве.

Ну и что же? В конце концов, ничего другого она и не ждала. Что их связывает? Всего лишь контракт и несколько отелей.

Как бы то ни было, Опал пожизненно соединила свою судьбу с мужчиной. И они до сих пор не успели познакомиться, узнать, что каждый из них любит и чего не выносит, поделиться своими предпочтениями, не узнали любимые цвета и блюда друг друга.

Впрочем, со временем все образуется. Они сядут и поговорят об этом. Чтобы их брак не кончился полным крахом, они должны сделать хотя бы это. Вчера вечером было самое время начать.

Опал в сотый раз посмотрела на светящийся циферблат часов. Скоро наступит рассвет, а Доменик до сих пор не вернулся. Где он провел ночь? У нее перед глазами сразу появилась Эмма, с торжествующим выражением лица.

Актриса еще не ушла со свадебного приема, когда Опал незаметно исчезла. После угощения, многие гости продолжали танцевать под ритмичный аккомпанемент маленького оркестра. Неужели Доменик направился именно туда? Обрати к гостям, чтобы утешиться со своей подружкой?

Опал принялась яростно взбивать подушку. Ее преследовали мысли о них обоих — крашеная блондинка Эмма с внешностью и фигурой кинозвезды и смуглый красавец Доменик. Хотел ли он остаться с Эммой наедине, чтобы довести до конца то, что так неудачно начал с Опал?

Девушка не могла забыть его страстных поцелуев. Она не предполагала, что прикосновение обнаженного мужского тела может доставить такое удовольствие. Желание Доменика пробудило в ней множество незнакомых ощущений. Опал вздрогнула. Интересно, что бы она почувствовала, если бы ответила на его страсть и слилась с ним в объятиях? При этой мысли ее охватили одновременно страх и волнение, а тело заныло от предвкушения. Доменик лишь приподнял перед ней завесу сладкой тайны, а ей хотелось узнать все до конца.

Но Доменик сейчас далеко. Может быть, с другой. Опал, можно сказать, сама подтолкнула его. Что она сказала? «Мне все равно, что ты делаешь и с кем видишься». Собственно, открыто дала разрешение.

И, похоже, он понял ее буквально.

Неужели он в эту минуту с Эммой? И она чувствует с ним то же самое, что Опал чувствовала в душе? Доменик целует Эмме грудь, касается ее тело, ласкает, гладит?

Опал вытащила подушку из-под головы, швырнула ее на пол, схватила другую и снова легла. Нет смысла беспокоиться о том, что он делает. Ее это не касается. Она должна управлять отелями и найти нового менеджера для «Дома Перл», так как предыдущий неожиданно уволился на этой неделе. Она проведет время с куда большей пользой, если подумает о делах, которые от нее зависят.

В отношениях с Домеником все ясно. Опал ничего не сможет изменить. Ее долг — родить ему ребенка, и она так и сделает. Ей придется мириться с его образом жизни и надеяться, что он будет вести себя осмотрительно.

Может быть, из их брака все-таки выйдет толк? Не обязательно равняться на судьбу несчастной мамы, чье сердце и душу уничтожил мужчина, растоптавший ее доверие и лишивший заслуженной любви, которая досталась другим женщинам.

С Опал этого не произойдет ни при каких обстоятельствах. Ее не обидит мужчина, который не ценит ее любовь.

Она зевнула и улеглась поудобнее, наконец-то чувствуя, что отчасти вернула себе контроль над жизнью, начавшей развиваться в непредсказуемом направлении.

Пусть у Доменика останется листок бумаги, на котором написано, что он может обладать телом Опал, но обладать ее сердцем он не будет никогда и ни за что.

Хорошо, она еще спит. На миг Доменик остановился перед дверью, потом вошел в спальню. В комнате было темно и тихо, сквозь тяжелые шторы и двойные стекла не проникали ни солнечные лучи раннего утра, ни шум уличного движения. Но кое-что можно было разглядеть. Доменик увидел на подушке разметавшиеся волосы Опал, руку, свешивавшуюся с кровати, и смятые простыни.

Значит, она плохо провела ночь. Странно. Он проследовал в ванную, включил воду в душе, разделся и шагнул под струю воды, стараясь не вспоминать о минувшем вечере.

Доменик вздохнул. Он устал, но выспится в самолете. Пятнадцати часов до Лос-Анджелеса вполне достаточно.

Он вытерся шершавым полотенцем и босиком, не одеваясь, вернулся в спальню. Поднял телефонную трубку и заказал завтрак на двоих. Омлет, семга, крепкий кофе. Затем повернулся и увидел, что Опал смотрит на него и хмурится.

— Доброе утро, — сказал он и подошел к большому стенному гардеробу, по дороге раздвинув занавески. В комнату хлынул солнечный свет. Доменик вытащил свой чемодан и швырнул на кровать. Тот приземлился довольно далеко от Опал, но она все-таки отодвинулась к другому концу кровати и наконец ответила дрожащим голосом, прижимая простыни к груди:

— Доброе утро.

Его позабавил жест Опал. Если она думает, что он собирается ее изнасиловать после неудачи прошлой ночью, то сильно ошибается.

— Что... что ты делаешь?

Доменик подошел к туалетному столику, открыл ящики и начал вытаскивать всякую всячину.

— Я должен лететь в Штаты. Кое-что случилось. — Он уложил вещи в отделение для мелочей и застегнул молнию. Потом взглянул на Опал. — Думаю, ты не станешь возражать. Мы, кажется, не собирались куда-то поехать на медовый месяц.

Опал посмотрела на него. Он не отводил взгляда, наблюдая за выражением ее лица — облегчение, любопытство, подозрение, — которое постоянно менялось. Она не поинтересовалась, где он провел ночь, но по ее глазам он понял, что ей хочется спросить об этом.

— Ты уезжаешь надолго?

— По крайней мере на неделю. Тебе хватит времени, чтобы закончить новый план по маркетингу и рекламе для обеих групп. Сумеешь?

— Конечно, — уверенно ответила она, ее голос внезапно обрел прежнюю силу.

— Хорошо. Когда я вернусь, то уеду снова и хочу, чтобы ты сопровождала меня. Я должен заняться рынком в Северном Квинсленде.

— Понимаю. Похоже, это значит, что ты будешь «брать меня с собой». Но, Доменик...

Опал залилась румянцем. Ее вид говорил о крайнем смущении. Она сидела, обложившись подушками, как будто возвела вокруг себя стену.

— Да?

— Ты собираешься одеться?

Уголки его рта приподнялись.

— Разве тебе не нравится мое тело?

Опал моргнула, и он понял: она тут же пожалела, что затронула эту тему.

— Ну, это просто потому, что... сюда вот-вот придут из обслуживания номеров, и...

Он ничего не сказал. Просто ждал, пока она договорит.

— Извини, — наконец сказала Опал, выбираясь из кровати. — Ванная тебе больше не нужна?.. — Не дожидаясь ответа, она скрылась за дверью. Доменик услышал, как повернулся запор. Судя по всему, ей не хотелось рисковать и повторять опыт прошлой ночи.

Он натянул кое-что из одежды, швырнул оставшиеся вещи в чемодан и захлопнул крышку. Его позабавила реакция Опал. У нее оказался очень противоречивый характер — то она, как мегера, плюется огнем и серой, а то — сама простодушная невинность и ведет себя как юная девушка.

Но все-таки прошлой ночью в душе... В его объятиях Опал напоминала жидкое пламя, он ласкал ее гладкую, шелковистую кожу, и она отвечала ему взаимностью. Он может подождать следующей встречи с Опал. Нет сомнения, она того стоит.

Она появилась, одетая в белый махровый халат. Официант, обслуживающий номера, уже доставил завтрак, и Доменик сидел за столом, читая газету. Он жестом указал Опал на стул и налил ей чашку кофе.

Она села, с облегчением увидев, что он наконец надел брюки.

— Как ты пьешь кофе? — спросил он.

— Только с молоком, без сахара.

Он добавил молока и передал ей чашку. Внезапно она снова осознала важность того, что с ними произошло. Вот они сидят и завтракают, как любая семейная чета. Если не считать того, что муж даже не знает, какой кофе пьет жена.

Где Доменик провел ночь? И чем объяснить эту внезапную поездку в Штаты? Он же приехал в Сидней на неделю. Что могло случиться? Почему его так тянет обратно?

Может, это касается Эммы?.. У нее по спине пробежала дрожь. Но чего же она ждала? Вчера ночью сама, можно сказать, заставила его уйти. И дала понять, что ближайшие несколько дней не сможет зачать ребенка. Зачем ему оставаться здесь?

В глубине души ей хотелось задать эти вопросы, понять, насколько обоснованны ее страхи, но она не могла. Если ей безразлично — а так оно и есть! — то все, чем он занимается, это его личное дело, и ничего менять не следует.

Опал прихлебывала кофе, наслаждаясь его вкусом, и думала о том, как провести день. Раз Доменик уезжает, она может побывать в «Доме Перл», попытаться найти для него нового менеджера, женщину достаточно твердую, но не лишенную сострадания. Ей и в голову не приходило, как трудно найти человека с подходящим опытом и характером.

И тут ее осенило. Дейрдре Хэнкок. Женщина собиралась уволиться из «Силверз», и именно она идеально подойдет на эту должность. Может быть, стоит ей позвонить.

— Тебе нужно поесть, — сказал Доменик, отвлекая Опал от мыслей и протягивая ей тарелку с семгой, яйцами и гренком. — Вчера вечером ты ни к чему не притронулась.

Она взяла тарелку, вдохнула восхитительный аромат еды, и к ней вернулся аппетит.

— Молодец, — одобрил Доменик, вставая из-за стола. — Хорошо, что ты ешь. Я предпочитаю женщин с пышными формами. — Он подошел к кровати и взял чемодан.

Опал приподняла бровь, держа в руке чашку с кофе.

— А я предпочитаю мужчин в нательном белье.

Его мягкий смех застал ее врасплох. Еще сильнее Опал удивило то, что ей стало приятно, когда она поняла, что заставила его рассмеяться.

Доменик наклонился, проходя мимо нее к двери, и чмокнул в щеку. Его губы слегка коснулись ее кожи.

— Мы расстаемся ненадолго, — с улыбкой произнес он, перед тем как уйти. — Я обязательно это изменю. До свидания, дорогая.

Дверь за ним закрылась, а Опал еще долго сидела за столом, ощущая прикосновение его губ и запах одеколона. И спрашивала себя: как, после всего, что произошло вчера, они могли так спокойно общаться?

Кстати, он всерьез решил постоянно показываться ей голым? А впрочем... У него красивое тело, такое упругое и мускулистое, что он вполне мог позировать для изображения какого-нибудь римского бога. Неужели нельзя любоваться его телом и при этом не краснеть, как школьница?

Опал вздрогнула. Пройдет немногим больше недели, и он вернется. Тогда им ничто не помешает по-настоящему вступить в брачные отношения. На прошлой неделе одна мысль о том, чтобы заняться с ним любовью, вызывала у нее волнение и страх. Теперь она испытывала приятное предвкушение.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Когда после полудня Опал приехала в «Дом Перл», ее встретил адский шум.

У двухэтажной террасы она увидела две машины полиции Нового Южного Уэльса, огни которых вспыхивали красным и синим. Когда Опал купила это здание, оно напоминало развалившийся дом в захудалом районе. С тех пор многое изменилось. Недвижимость здесь стала пользоваться спросом, а старые дома начали ремонтировать, так же как это сделала Опал. Теперь в «Доме Перл» было гостеприимно и тепло.

У входа стояли горшки с вьющейся геранью и пестрыми бугенвиллеями. Октябрьский день выдался душным и солнечным, и джинсы и футболка Опал липли к телу. Когда она вышла из закрытого автомобиля, у нее упало сердце. Полицейские сирены и тихие улицы плохо сочетались друг с другом.

Предлагая временный приют женщинам, которые убегают из дома, Опал всегда рисковала вызвать возмущение недовольных мужчин. На этот раз в окно у входа швырнули кирпич и угрожали бросить еще несколько.

Соседи относились к ним терпимо, но, разумеется, беспокоились о собственном благополучии, и она знала, что, если дела пойдут плохо, ей придется закрыть приют. Может быть, пора

подыскать другое здание, более обширное, с детскими площадками и без соседей, которых станут беспокоить неожиданные посетители. Теперь, когда сеть отелей «Клеменджерз» была спасена, у Опал появилось время, чтобы решить, что делать с приютом.

Она вошла в дом. Шестнадцать нынешних жильцов собрались вокруг большого кухонного стола, где обычно устраивались неофициальные собрания.

— Значит, я должна уехать... найти какое-нибудь другое место, — говорила Дженни Скотт. Ее лицо было заплакано, она прижимала к груди худенькую девочку.

Опал взяла женщину за руку и успокаивающе сжала.

— Но куда же вы поедете?

Дженни всхлипнула, уткнувшись в макушку девочки, которая смотрела перед собой, не вынимая изо рта палец.

— Не знаю. Но я не вернусь к Фрэнку.

— Я понимаю, — сказала Опал, кивая и глядя девочку по голове. — Не беспокойтесь. Мы с полицейскими что-нибудь придумаем.

Опал уехала из приюта, организовав дополнительные патрули в качестве временной меры. У нее разрывалось сердце, но надо было как можно скорее найти решение проблемы. В «Доме Перл» женщины с детьми должны жить спокойно и чувствовать себя в безопасности. Ей не хотелось превращать этот дом в крепость. В конце концов, они уже пытались уйти из своего рода тюрьмы.

Существовало так много разновидностей тюрем. Та, в которой оказалась ее мать, была позолоченной, шестизвездочной и роскошной.

А теперь Опал сама вышла замуж. Связала себя с человеком, который обращается с ней скорее как с собственностью, нежели как с партнером. Какая тюрьма ждет ее? Каким будет приговор?

Она покачала головой и поставила свой любимый компакт-диск, прибавив громкость и пытаясь избавиться от подступившего страха. Если она собирается помочь «Дому Перл», ей лучше немедленно успокоиться.

Полчаса спустя Опал приехала в кафе «Рокс», где условилась встретиться с Сапфи и Руби и выпить на прощанье. В кафе было шумно, за столиками сидели местные жители, решившие закончить выходные обедом под открытым небом, и туристы, которые провели бурный день в гавани Сиднея. Слышался свист кофеварки эспрессо, в воздухе витали аппетитные запахи пиццы, горячих морепродуктов и макарон, смешанные с ароматом кофе.

Сапфи и Руби заняли столик на веранде. Опал подошла к близнецам, радуясь, что ее свадьба, по крайней мере, дала им возможность снова собраться вместе. Теперь они жили так далеко друг от друга, что встречаться становилось все труднее, и виделись они реже.

— Так, значит, Доменик все-таки позволил тебе уехать на часок? — спросила Сапфи. Она встала и поцеловала сестру в щеку.

— Более или менее, — уклончиво ответила Опал, целуя обеих девушек. Потом отодвинула стул

и села, растягивая губы в улыбке, которая, как она надеялась, выглядела беззаботной. — Вообще-то его вызвали по делам, так что медовый месяц, похоже, кончился. — Она пожала плечами, улыбаясь, как будто говоря о том, что все в порядке и ничего необычного не случилось.

— Он уехал? Куда? — одновременно спросили близнецы.

— В Штаты, — сказала она. — Судя по всему, возникла какая-то проблема.

— О! — Близнецы переглянулись и принялись внимательно читать меню.

Опал пристально посмотрела на сестер. Внешне они выглядели веселыми и красивыми, как обычно, но, когда обменивались взглядами, в их глазах что-то промелькнуло. Неужели они поняли правду? Обнаружили, что ее брак сплошное притворство?

Для нее это могло бы стать своего рода облегчением. Если она будет делать вид, что ее супружеская жизнь безоблачна, ей придется обманывать сестер. Раньше между ними никогда не было лжи. Они так за нее переживали. Что случится, если сейчас они узнают правду — теперь, когда сеть отелей «Клеменджерз» спасена и уже слишком поздно что-либо менять? В конце концов, она наверняка сумеет пережить унижение навязанного ей брака.

— Что такое? — строго спросила Опал, переводя взгляд с одной сестры на другую. Ее тон означал: «Я знаю, вы что-то скрываете».

Обе девушки подняли глаза.

— Может быть, и ничего, — сказала Сапфи.

— Я могла ошибиться, — добавила Руби.

— Вы мне расскажете?

Они снова переглянулись, потом Сапфи обеими руками схватила Опал за запястье.

— У вас с Домеником что-нибудь не так?

Опал попыталась засмеяться, но смешок вышел слабым и нервным.

— Что именно? Просто его неожиданно вызвали по делам.

— На следующий день после вашей свадьбы?

— Это срочно. Он должен был поехать. Вообще-то, на следующей неделе он возьмет меня с собой в Северный Квинсленд, чтобы компенсировать разлуку. — Она поняла, что не сумела их убедить. Они чего-то недоговаривали. — Девочки, в чем дело? Объясните мне.

— Ну, просто вчера ночью, после приема, я вышла в коридор попрощаться кое с кем из гостей...

— И?

— И я увидела... — проговорила Руби, — ну, мне показалось, что я увидела, как Доменик садится в такси.

— О! — Опал растерялась, лихорадочно пытаюсь сообразить, что ответить. Она и понятия не имела, куда отправился Доменик после того, как покинул ее. Он вполне мог выйти из отеля. — Верно. Он оставил кое-какие вещи у себя в номере, в «Силверз», и поехал их забрать.

Руби посмотрела на нее, нахмутив лоб и с болью в глазах.

— Опал, он был с кинозвездой. Знаешь, той, что была на свадьбе.

Опал охватило смятение. Подтвердились ее худшие подозрения. Доменик провел ночь с Эммой. Разумеется, он бросился прямо в объятия подружки, которая с нетерпением его ждала. Мало что меняется, когда заходит речь о поведении таких мужчин, как он.

Удивляться нечему. Опал предвидела, какой будет ее замужняя жизнь, и предполагала, что случится именно это. Но, узнав, что оказалась права, она испытала жгучую боль.

Стараясь изо всех сил сохранить спокойное выражение лица, Опал огляделась по сторонам в поисках официанта.

— Наверное, нам пора сделать заказ. Я умираю от жажды.

— Опал, — сказала Сапфи, нежно сжимая ей руку, — мы можем чем-нибудь помочь?

Опал взглянула на сестер. Те смотрели на нее с любовью и заботой, и она поняла, что не может рассказать им правду. Она обманывала себя, когда думала, что, если они все узнают теперь, это не будет иметь значения. Опал просто не могла позволить близняшкам вернуться домой, мучаясь мыслью, что ее брак не удался.

— Это не то, что вы думаете, — начала она. — Эмма — старая подруга Доменика, и ей внезапно стало плохо. Я попросила его позаботиться о том, чтобы она спокойно добралась до своего отеля. Вот и все.

— В вашу брачную ночь? — хором спросили сестры, не скрывая недоверия.

— Я настаивала! С ее стороны было очень мило заехать к нам на свадьбу, ведь она так занята.

— Но ты же говорила, что он отправился за одеждой?

— Я знала, что вы, девочки, поспешите с выводами, и так оно и вышло. Так что перестаньте беспокоиться. Доменик вернется через неделю и отвезет меня в далекий тропический рай. Если можете, попытайтесь хоть немного позавидовать.

— Значит, ты уверена, что все в порядке? — настойчиво уточнила Сапфи.

Опал сжала ей руку.

— Да, все отлично. Не волнуйтесь. Завтра утром вы уедете домой, и мы не увидимся целую вечность. Так что давайте максимально используем сегодняшний день. — Краем глаза она заметила позади себя какое-то движение. — А, вот и официант. Заказывайте, девочки. Я даже не успела заглянуть в меню.

В VIP— салоне аэропорта Опал старалась выглядеть спокойной. Личный самолет Доменика уже приземлился. После того как закончат процедуры, связанные с посадкой, и заправят самолет топливом, она вместе с ним полетит в Кэрнс.

Несмотря на то, что Доменик отсутствовал дольше, чем обещал, одиннадцать дней пролетели незаметно. Она занималась новыми маркетинговыми планами, работала с менеджером по рекламе и готовилась рассказать Доменику о совершенно новой стратегии.

Дейрдре Хэнкок понравилось предложение работать в «Доме Перл». Она немедленно приступила к своим обязанностям, занялась делами жильцов, заботилась об их нуждах и о них самих так, будто была для этого рождена. Пару дней назад она позвонила и сказала, что Дженни Скотт с дочерью переехали в муниципальную квартиру и очень хотят начать новую жизнь. Это были хорошие новости. Опал радовалась, когда видела, как женщины, которые пришли в приют забитыми и испуганными, спустя некоторое время покидают его с поднятой головой. Сначала у них бывали и неудачи, но они знали, что, если понадобится, в «Доме Перл» о них позаботятся, и это придавало им уверенность.

В общем, Опал хорошо провела это время.

Тяжелее приходилось ночами. Днем она могла работать над маркетинговыми планами, разговаривать с персоналом, заниматься делами. Но в конце концов усталость брала верх, она медленно шла к себе в номер люкс — лишь затем, чтобы лежать и думать о Доменике. Она пыталась заставить себя рассердиться на него и с осуждением размышлять о том, с кем он проводит время и что делает, но ей мешали другие мысли. Опал внезапно вспоминала событие в душе и мечтала, что будет, когда она наконец станет его женой.

Опал не могла забыть его прикосновений, как наяву ощущая ласки сильных рук и гладкую горячую кожу у себя под ладонями...

Эти воспоминания становились все отчетливее по мере того, как близился день его возвращения. Можно было подумать, они настраивают ее тело на то, что ее ждет.

Потом от него пришло письмо по электронной почте. В нем говорилось, что она должна встретить его в аэропорту. Несмотря на суховатый язык электронного письма, их деловая поездка в далекий Северный Квинсленд явно предполагала нечто особенное.

Доменик возвращался за своей женой. Он возвращался, чтобы овладеть ею.

Дрожа всем телом, Опал обхватила себя руками. Ее льняной брючный костюм бледно-лимонного цвета предназначался для тропического климата, и хотя погоду в Сиднее нельзя было назвать даже прохладной, она пожалела, что не надела что-нибудь потеплее.

Доменик стоял у входа и наблюдал, как Опал расхаживает по салону. Длинный свободный жакет развеялся, когда девушка двигалась. Волосы она закрутила в узел и заколола сзади. Внезапно Опал устала на ковер прямо перед собой, и он мог разглядеть нахмуренный лоб и прикушенную нижнюю губу.

Последние несколько дней Доменик беспрестанно думал о ней. Сегодня ночью у нее не будет предлогов. И этой ночи он с нетерпением ждал.

Именно в этот момент, Опал подняла голову. И встретила с ним взглядом. И он увидел... нет, почувствовал, как по ее телу пробежала дрожь.

Она тоже ждет его, с удовлетворением понял Доменик.

Полет в Кэрнс занял три часа. За это время Доменик, казалось, интересовался только

новостями о том, что произошло с «Клеменджерз» в его отсутствие, и новой маркетинговой стратегией. В его манере поведения не было ничего личного, и если бы не обручальное кольцо у нее на пальце, она легко могла бы вообразить, что является всего лишь одной из его служащих. Собственно, так оно и есть, с иронией подумала Опал.

Он ничего не сказал о своем пребывании в Соединенных Штатах. Она спросила о делах, и он коротко ответил:

— Все довольно хорошо.

И все-таки в момент встречи в аэропорту ей показалось, что она что-то уловила в его глазах, в выражении, с которым он на нее посмотрел и от которого у нее перехватило дыхание. Должно быть, она ошиблась. Может быть, искала то, чего нет. Может быть, он просто устал после перелета.

Самолет снизился и летел над побережьем, заходя на посадку. Опал смотрела на острова, разбросанные в море, зеленую листву, обрамленную белым песком, на коралловые рифы вокруг лазурных атоллов, окруженных ярко-синим морем.

После посадки в Кэрнсе Опал ждала, что они пойдут к машинам у аэропорта, но вместо этого Доменик взял ее за руку, обошел предангарную бетонированную площадку и направился к вертолету, стоявшему неподалеку.

— Куда ты меня ведешь? — спросила она, пытаясь перекричать шум самолетных двигателей. — Я думала, мы едем в отель «Силверз Кэрнс».

Доменик покачал головой.

— Не сегодня. Я подумал, что пора посмотреть другие отели. Залезай, — приказал он.

Спустя несколько секунд они взлетали над аэропортом. Несмотря на наушники, рев двигателей оглушал Опал, так что она даже не пыталась заговорить с Домеником. Вертолет скользил в теплом тропическом небе, унося их вдаль по побережью. Она знала, что неподалеку есть несколько курортных островов, но куда именно направлялся вертолет Доменика, оставалось тайной.

В некотором роде это волнует, подумала она, когда тебя похищает красивый мужчина и увозит в тропический рай. Как в волшебной сказке.

Она украдкой взглянула на Доменика, который не сводил глаз с прекрасного острова внизу, и ее кольнуло сожаление. Если бы все сложилось иначе...

Было бессмысленно думать о том, как все могло бы быть, если бы у них оказалась возможность познакомиться до свадьбы, было бессмысленно думать, как сложилась бы жизнь, если бы Доменику было достаточно одной женщины. Факт оставался фактом: не принуди он ее к замужеству, она бы не стала его женой. Конец истории. А об их счастливой совместной жизни речи не заходило.

Опал вздохнула и снова обратила внимание на пейзаж. Все сложилось так, как сложилось. Она это знала, когда согласилась на сделку.

Доменик взял ее за руку, и она подняла глаза. Он указывал в окно на группу из восьми островов, один из которых был протяженнее других. За ними виднелось еще несколько

островков поменьше. Опал достаточно знала географию австралийских курортов, чтобы понять, что это Семейные острова.

— Остров Данк! — закричала девушка.

Доменик кивнул.

— Мы летим туда? — спросила она, волнуясь при мысли о том, что проведет время на острове, который считается одним из самых красивых островов Квинсленда, заросших тропическими лесами.

Он покачал головой и указал на островок поменьше. Вертолет уже снижался.

— Вон тот. Остров Бедарра.

Она о нем слышала. Самый эксклюзивный уединенный курорт в стране. В любое время туда допускалось лишь несколько туристов. Они селились в роскошных виллах и наслаждались одиночеством. Если Доменик хотел посмотреть другие отели, он начинал с самого лучшего.

Спустя несколько минут вертолет приземлился, и они оказались в другом мире. Кругом был буйный тропический лес.

Улыбающийся персонал проводил их в комнаты, после чего все вежливо скрылись в подлеске за решетками, увитыми вьюнками, предоставив им устраиваться на новом месте.

Опал восхищалась видом ярко-синего моря, необъятными эвкалиптами, которые возвышались над огромными гранитными валунами. А внизу начинался мягкий песчаный пляж залива Уэдждрок.

Номер был великолепен. Просторные комнаты, отполированные деревянные полы, окна от пола до потолка. И в довершение всего главная достопримечательность — декадентский бассейн с бирюзовым кафелем, расположенный на первом этаже, откуда открывался вид на залив. Несколько струй стекали в воду, создавая водопад, и его звук в сочетании с шорохом цветущих веток завораживал.

Это был настоящий рай!

И идеальное место для соблазнения. Надо было отдать должное Доменику: на этот раз он решил не рисковать. Трудно было сопротивляться чарам, которые навевало это место. Роскошный номер, тропический пейзаж и мягкие прибрежные волны внизу.

Доменик подошел к ней сзади, и Опал спросила себя, не ждет ли он, что она немедленно упадет с ним на широкую кровать. Однако этого не произошло. Он стоял рядом с Опал и смотрел на открывавшийся вид, положив руки на перила.

— О чем ты думаешь? — спросил он, не отводя глаз от пейзажа.

— Здесь чудесно, — честно призналась она. На этом острове — полное уединение, а номер просто потрясающий.

— Хорошо, — сверкая белоснежной улыбкой, сказал Доменик и повернулся к Опал. — Мне бы не хотелось привезти тебя в какую-нибудь пятизвездочную посредственность. — Он улыбнулся еще шире, и она расхохоталась, удивляясь тому, что он запомнил ее слова, сказанные при их

первой встрече. Теперь казалось, что с тех пор прошло очень много времени. — Как насчет прогулки по пляжу перед обедом?

— Это было бы неплохо.

Опал быстро сбросила жакет, сняла брюки и сандалии, надела легкие подрезанные обтрепанные джинсы и обувь без шнуровки, после чего вернулась к Доменику на первый этаж. Потом они пошли по дорожке и добрались до тропинки, ведущей к заливу. Им никто не встретился по пути. Правда, отель вмещал лишь шестнадцать номеров, и поэтому гости попадались реже, чем маленькие индейки, которые бегали через подлесок. Можно было подумать, что на острове никого нет, кроме Опал и Доменика.

Они оказались на окаймленном пальмами пляже и обошли весь маленький залив. Песок казался белоснежным на фоне синей воды, слышался плеск прибрежных волн, за заливом цвет воды менялся, становился темнее.

Доменик ни разу не пытался к ней прикоснуться. Опал очень хотелось понять, почему. Вряд ли они шли так далеко только ради того, чтобы восхититься видом. Она мечтала о Доменике больше недели, лежа без сна, и мысленно успела подготовиться к энергичной и быстрой атаке.

Когда они вернулись, солнце уже клонилось к закату. Служащий гостиницы принес им лед и тарелку, на которой лежали ломтики поджаренного хлеба с закуской.

Доменик предложил ей бокал вина, и Опал приняла его без возражений. В конце концов, это было своеобразное празднование. Они отмечали перемирие, которое заключили друг с другом, по крайней мере на сегодня.

Они чокнулись, и их пальцы на миг соприкоснулись. Опал вздрогнула: у нее заколотилось сердце и усилилось желание.

— Тебе холодно?

Она покачала головой.

— Нет.

— Значит, ты голодна?

— Ммм, — пробормотала она, потягивая вино. Немного.

— Тогда ты должна поесть.

Но ей хотелось не пищи. Доменик стоял рядом, и ветерок развеивал его темные волосы, воротник белой льняной рубашки был расстегнут, и виднелась полоска загорелой кожи. Когда они шли по песку, он закатал отвороты на своих модных летних брюках из хлопчатобумажного твида, и в таком виде скорее напоминал пирата, а не миллиардера.

Обед означал ресторан, других людей, и, может быть, пройдет еще час или два, прежде чем они снова останутся наедине. Прежде чем смогут возобновить то, на чем остановились в первую брачную ночь. Выдержит ли она такую пытку?

— Доменик, — мягко сказала Опал, поднимая глаза и встречаясь с ним взглядом. Она боялась показаться ему сейчас набитой дурой. — Ты не хочешь меня поцеловать?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Вечер быстро сменяла ночь, как это обычно бывает в тропиках. При свете лампы, висевшей над баром в их номере, Доменик любовался красивыми выразительными глазами Опал. Она смотрела на него снизу вверх. В ее взгляде чувствовались ожидание и надежда. В глазах все еще оставалась робость, но теперь они излучали неподдельную теплоту.

Доменик привез Опал на этот остров, чтобы закрепить свое притязание на нее и сделать своей женой в самом настоящем смысле слова. Так он задумал поступить еще в Штатах, но, увидев ее в аэропорту, он снова заметил свойственную ей ранимость, из-за которой она казалась на несколько лет моложе. И раньше, чем они взлетели, Доменик передумал. Они проведут здесь четыре ночи, а потом вернутся в Сидней. Он не станет торопиться и будет действовать правильно. Ко времени их возвращения она будет принадлежать ему — он в этом не сомневался — и забеременеет его ребенком.

Поэтому Доменик держался поодаль, вел себя вежливо, мило и дружелюбно и, когда она сделала первый шаг, он был более чем приятно удивлен.

— То есть если тебя это не слишком затруднит, — произнесла Опал, переводя взгляд на темнеющее море.

— Такое никогда не затруднит, — сказал он, беря у нее стакан и ставя оба стакана на стол, — целовать красивую женщину.

Он приподнял рукой ее подбородок. Другой рукой провел по щеке к волосам, вынул заколку, и волосы распустились, падая пушистыми локонами на плечи и лицо.

Опал приоткрыла рот, ее губы его ждали.

У него вырвался глухой стон, он выдохнул ее имя. Губы Доменика припали к губам Опал, и он притянул ее к себе. Губы Опал оказались сладкими на вкус, они немного напоминали шампанское. Целуя ее, Доменик удивлялся: она была то целиком уверена в себе, то внезапно становилась робкой и невинной.

Опал подражала движениям Доменика, ее язык действовал так же, как его, танцуя под его мелодию. Когда он провел языком по ее зубам, она сделала то же самое. Копирует? Обучается? подумал Доменик. Неужели ей раньше не везло с любовниками? Потому она и была такой сдержанной?

Он это изменит. Компенсирует неудачи. Он сможет научить ее всему, что надо знать, и она все равно будет просить большего.

Опал вздохнула, не отрываясь от его рта, когда он изменил позу, и он почувствовал, как ее руки вцепились в рубашку у него на спине. Ее грудь. Он вспомнил, как прикасался к ее груди под душем...

Прерывисто дыша, Доменик втянул воздух и отпустил Опал, но тут же взял ее за руку.

И повел в спальню.

Она позволила ему себя раздеть, в комнате со стеклянными стенами, где их могли видеть только деревья. Одежда постепенно падала к ее ногам, чувства обострялись, пока она не оказалась обнаженной перед Домеником и ее нервы и желание достигли предела. Доменик

поцеловал ее, очень нежно, хотя она видела по глазам, что он горит от страсти; потом в свою очередь сбросил одежду и уложил Опал на кровать.

Он взял ее за обе руки и с серьезным видом поцеловал каждую, продолжая смотреть Опал в глаза. Затем перебросил ее руки через голову и взял запястья одной рукой. Глаза Опал расширились, и она ахнула, когда он поцеловал ее в губы и начал ласкать ртом, глядя тело свободной рукой. Она горела под легкими прикосновениями.

Его губы коснулись ее груди, язык обвел твердые кончики сосков, потом он поочередно взял их в рот, и жгучие ощущения заставили Опал выгнуть спину. Он снова стал целовать ее в губы, прижимаясь к ней. Казалось, что все тело Опал испытывает волнение, ее сердце бешено колотилось.

Девушку переполняли чувства, которых она пыталась избегать всю жизнь, она теряла голову от волнения. Он выпустил ее руки, и она сразу же обняла его сама, касаясь ладонями мускулистого тела, исследуя все изгибы плоти, напряженные мышцы, мощные бедра и упругие ягодицы.

Они вступили в схватку, лежа на огромной кровати. Тела сплелись и перекатывались по постели, их кожа пылала, сжигаемая огнем страсти.

Руки Опал скользили по его телу, и наконец она нашла то, что так сильно к ней прижималось, жесткое и пульсирующее. Доменик ахнул и дернулся, его прерывистое дыхание обожгло ей волосы.

— Я хочу тебя, — сказала она уверенно, как никогда в жизни.

— И я тебя хочу, сага, — прошептал он приглушенным голосом. Без промедления уложил ее на спину и с силой раздвинул ей ноги коленом. А она и не сопротивлялась, потеряв голову от страсти.

Опал стало трудно дышать, когда пальцы Доменика гладили ее чувствительную кожу. Ей не хотелось, чтобы он обнаружил правду слишком рано, однако страсть победила.

— Пожалуйста, — умоляюще сказала Опал. — Возьми меня. Сейчас.

Его колебания продолжались не дольше секунды, и она почувствовала, что и он в свою очередь сгорает от нетерпения. Доменик прижался к ней, едва не войдя в нее, целуя в губы нежно и в то же время крепко. Его ласки, легкие и прерывистые, становились все настойчивее.

Теперь ничто не имело значения. Ничто, кроме того, что он окажется внутри нее, выполнит ее желание.

Опал приподняла бедра, чтобы приноровиться к нему. Она ждала, напрягшись до изнеможения. Наконец он резко дернулся, и ее обожгла боль. Она вскрикнула и откинула голову на подушки. Доменик схватил ее за руку, но боль уже прошла, и он был внутри нее, и теперь она думала только о том, какой замечательной может быть жизнь, раз она сумела испытать такое и в ней проснулись подобные чувства.

Но это был еще не конец. Он медленно двигался внутри нее, и она, переживая совершенно незнакомые ощущения, приняла его ритм, поднимая бедра, шевелясь так же, как он, напрягая мускулы, чтобы хоть немного его задержать. На нее нахлынули раскаленные волны, одна набегала на другую.

У Доменика на лбу выступил пот, капли стекали по лицу. Его кожа сияла в мягком вечернем свете, потемневшие глаза пристально смотрели на Опал. Он двигался все быстрее и быстрее, стремясь проникнуть в нее до конца. А она пылала, и огонь внутри разгорался с каждой секундой. И с каждой секундой она уносилась выше, в небеса.

Наконец очередной сильный рывок — и Опал утратила рассудок. Все потеряло смысл, кроме сверкающей яркой вспышки.

И тут же Доменик последовал за ней.

Опал открыла глаза и с удивлением увидела, что комната не изменилась, окна, пол, кровать все осталось на прежнем месте. А вот она стала совершенно другой.

Доменик погладил ее руку и притянул к себе.

— Хочешь есть?

— Умираю от голода, — призналась она.

Он засмеялся и поднял ее с кровати, потом заметил кое-что на покрывалах и замер. Она посмотрела туда же, куда смотрел он. Пятно явственно выделялось даже при неярком свете.

— Кажется, ты говорила о неделе, — сказал Доменик, нахмутив лоб. Его глаза гневно сверкнули.

Опал кивнула.

— Так и было. Но, по-моему, такое иногда случается, когда... — Она замолчала, пытаясь найти нужные слова.

Это оказалось необязательным. Судя по его лицу, он все понял.

— Значит... — Доменик всплеснул руками. — Черт! Почему ты мне не сказала?

— Ты не спрашивал. — Опал старалась говорить как можно беззаботнее, но он бросил на нее мрачный и недоброжелательный взгляд. Она пожала плечами и отодвинулась. — Ну и что же, теперь-то какая разница?

Он опустил руку и хлопнул себя по бедру. Шепотом выругался по-итальянски.

Потом пристально посмотрел в глаза Опал и положил ладонь ей на талию.

— Я сделал тебе очень больно?

— Нет, — сказала она и, поняв, что он ей не верит, тут же кивнула. — Только на минутку.

— Ты должна была мне сказать, — произнес он. — Я бы действовал медленнее.

Она накрыла его руку своей.

— Ты действовал именно так, как мне хотелось.

Он поднес к губам ее руку ладонью вверх и нежно поцеловал, не отрывая от нее глаз.

— Хочешь принять душ? — спросила Опал, кивнув в сторону ванной комнаты.

Доменик рассмеялся низким, глубоким смехом.

— Пока нет. Я думаю, пора поплавать.

Он подхватил Опал на руки, отнес на первый этаж, потом на одну ступеньку вниз, к неглубокому бассейну. Встал на колени и опустил ее в воду, продолжая поддерживать одной рукой за плечи. Сначала Опал ахнула, оказавшись в теплой воде, но уже через секунду ощутила блаженство. Боже, как хорошо! В темном тропическом небе ярко сияли звезды, сбоку в бассейн стекали струи воды, и казалось, что они с Домеником оказались у собственного ручья. Опал перевернулась и поплыла, оставляя за собой серебристый след.

— La sirena! — Доменик вынырнул рядом с ней, развернул к себе, и они опять поцеловались.

Удивительно, но Опал уже снова предвкушала занятия любовью.

Догадавшись, о чем она думает, он коснулся губами ее груди. Волнение Опал росло с каждым восхитительным движением его языка.

Доменик подтянул Опал к ступенькам и улыбнулся, восхищаясь восхитительным телом. Потом поцеловал в обе груди, провел языком вниз, обвел им ее пупок — и Опал охватило невероятно мощное желание. Его рука легла ей на бедро и вдруг замерла. Доменик поднял голову.

— Тебе еще больно?

Она покачала головой, не желая разговаривать и мешать его нежным ласкам. Он кивнул и продолжил осторожно исследовать тело Опал. Она вздохнула, наслаждаясь сильным чувством, которое вызвали его прикосновения. Доменик остановился, и на миг Опал почувствовала себя покинутой, как вдруг он оказался у нее между ног, и на нее нахлынули ощущения, которых ей никогда раньше не доводилось испытывать.

Опал ахнула, ее веки затрепетали. Она зажмурилась, пытаясь не смотреть на его темноволосую голову там, но оказалась не в силах избавиться от этого эротического образа и так же от пронизывающего электрического разряда, который терзал ее все сильнее и сильнее, пока она не поняла, что дальше терпеть невозможно. Тогда он вошел в нее, исполняя ее страстное желание. Она уносилась выше, и наконец мир раскололся, и Опал ослепила вспышка, разлетевшаяся мириадами крошечных светящихся огней.

— Спасибо, — прошептала она, когда ее дыхание пришло в норму.

У него вырвался смешок. Он прижался к ней и слизнул капельку воды у нее на шее.

— Это тебе спасибо, милая.

Потом они лежали рядом, слушая звуки ночного тропического леса. Их тела нежились в плескавшейся вокруг воде. Опал счастливо улыбалась. Сегодня она действительно стала женой Доменика Сильваньи, оказавшегося замечательным любовником. Опал это поняла, несмотря на собственную неопытность.

На следующий день Доменик заказал для пикника корзину с едой. Они сели в прогулочную лодку с навесом и поплыли вдоль берега острова на пустынный пляж. Песок был белым и

чистым, небо — безмятежно-лазурным.

Они решили поплавать. Доменик ловко снял с Опал бикини, и их тела крепко прижались друг другу в теплой воде. Потом они сели в тени ярко-полосатого зонта и перекусили салатами, куриными крылышками с кориандром и пирогом с заварным кремом и ягодной начинкой, запивая все это шампанским. И снова занялись любовью, чувственной, томной, после чего упали на покрывало, в объятия друг друга.

Доменик пошевелился и приподнялся на локте. Она ошиблась, думая, что он полностью отключился.

— Как умерла твоя мать?

Опал моргнула. Его вопрос застал ее врасплох.

— Я точно не знаю.

Он нахмурился, и она, пожав плечами, перевернулась на живот, перебирая пальцами песок.

— Наверное, это звучит странно, но так оно и есть. Мне было всего девять лет, но я знала, что мама давно уже страдает, что она ужасно несчастна в браке. Однажды ночью я услышала, как мои родители кричат друг на друга. Они ругались и раньше. Когда были вместе, то всегда спорили. Вернее, мама его умоляла, а папа начинал орать, и тогда мама плакала. Но на этот раз все было по-другому. Я так испугалась... — Она сжала в кулак руку с песком. — Как бы то ни было, на следующий же день мама попыталась со всем этим покончить. О деталях мне не рассказывали, наверное, щадили мои чувства. Приехала «скорая помощь» и увезла ее в больницу. Я ждала ее. Меня уверяли, что она поправится. Но они солгали! Она так и не пришла в себя. А я даже не смогла с ней попрощаться. Папа не разрешил нам пойти на похороны — сказал, что мы расстроимся, — и больше никогда не говорил о ней.

Доменик наклонился к Опал, взял за руку и переплел их пальцы.

— Ты была такой юной.

— Может быть. Но, по крайней мере, ее образ остался в моей памяти. Близнецам было всего четыре года, они совсем ее не помнят, только нескольких нянь, которые появлялись у нас дома.

Опал вздохнула, наслаждаясь прикосновением его руки. Из жизни матери она извлекла урок, жесткий и прямой. Береги свое сердце, никогда не отдавай его. Опал прожила жизнь в соответствии с этим уроком, и он ей помогал. До сих пор. Теперь Доменик пробудил в ней ощущения и чувства, испытывать которые ей еще не доводилось, нашел способ ее покорить.

Сейчас она могла думать только о его объятиях. Долго ли ждать, когда она начнет мечтать о большем?

Опал высвободила руку и легла на спину. Ей хотелось переменить тему.

— Расскажи мне что-нибудь о своих родителях. Они жалеют, что не смогли приехать в Сидней к нам на свадьбу?

— Это было невозможно. Из-за лечения моего отца. — Доменик тоже лег на спину. — Я говорил тебе, что у него рак. Ему сделали операцию, а теперь он проходит химиотерапию. Как будто все идет хорошо. — У него вырвался долгий, глубокий вздох. — Но я знаю, что они очень

хотят встретиться с тобой в декабре, когда будут праздновать пятидесятую годовщину свадьбы.

— Пятьдесят лет — это очень большой срок, медленно проговорила она. — Не могу представить, чтобы люди жили вместе так долго, не говоря уже — счастливо. Наверное, для этого нужна особенная любовь?

Внезапно Доменик сел.

— Кто знает? — сказал он, пристально глядя в небо. — Нам пора.

Он повел маленькую прогулочную лодку обратно к причалу. Они ехали молча, и Опал терялась в догадках: чем же она так расстроила его?

Но через пару часов они снова стали общаться легко и дружелюбно. Обедали только что извлеченными из раковин устрицами, вьетнамскими креветками и блюдами из морепродуктов в азиатском стиле. Запивали все это отличным австралийским белым «совиньоном».

Они провели на острове Бедарра еще два восхитительных дня. Часы и время не имели значения, пока не наступил вечер перед отъездом. Они поужинали, погуляли по залитому лунным светом пляжу, а потом вернулись в номер, чтобы принять душ. Оба с нетерпением ждали очередной страстной ночи.

Опал знала, что все изменится, когда они вернутся в Сидней. За эти несколько дней их отношения перешли на новый уровень — сексуальный, — и она узнала жизнь с совершенно незнакомой для нее стороны. Понимал ли Доменик, как сильно успел ее изменить?

В то последнее утро Опал проснулась и долго смотрела на него спящего. Доменик не брился четыре дня и теперь напоминал пирата, сильного и опасного. Всего несколько дней он принадлежал ей. Они прожили вместе четыре потрясающих дня и ночи, почти не ссорились, и Опал на миг даже подумала, что, может быть, у них получится что-нибудь хорошее.

Потом она вернулась к жесткой реальности и снова почувствовала страх. Этот мужчина провел свою брачную ночь с другой. Опал была просто женщиной, которая родит ему ребенка. Долго ли он будет приходить в ее постель после того, как достигнет этой цели?

Опал проглотила подступивший к горлу ком. Ей действительно повезло. Могло быть и хуже. Раз она не любит Доменика, то не должна расстраиваться, чем бы он ни занимался. Она не могла притворяться, что это не имеет значения, — это был вопрос гордости. По крайней мере ее сердцу не грозит ничего.

Итак, пока она согласится на все, что он предлагает. Доменик уже дал ей чувства и ощущения, о которых она раньше понятия не имела. Опал была усердной ученицей, и, может быть, однажды, что бы дальше ни случилось, они оба будут рады вспомнить, как провели несколько волшебных дней на острове Бедарра.

* * *

Прошло две недели. Опал стояла в мраморной ванной, не сводя глаз с белой полоски бумаги. Там должна была быть линия, так написано в инструкции. Опал сунула полоску под яркий свет. Ничего.

Что же это такое? Если она не забеременела, у нее уже должны были начаться месячные. Так что, черт возьми, происходит с ней? Может, ее организм просто сбился с ритма?

Неудивительно, если учесть все то, что ей пришлось пережить за последние несколько недель.

Она вздохнула. Доменик будет разочарован. Однако некоторым людям требуются месяцы даже годы, — чтобы зачать ребенка. Что, если она бесплодна? Выбирая жену, ее муж явно требовал слишком многого...

Опал бросила домашний тест на беременность в мусорную корзину и пристально посмотрела на себя в зеркало, удивляясь переменам, которые произошли в ней. Месяц назад она и мысли бы не допустила о том, чтобы родить ребенка от Доменика. А теперь ей отчаянно захотелось увидеть тонкую синюю линию на тесте.

Доменик изменил ее. И дело не только в занятиях любовью, хотя они оставались такими же потрясающими, как и в те первые несколько дней.

Работая с Домеником, она начала иначе к нему относиться. Он был отличным бизнесменом, уверенным в себе, способным принять верное решение и осуществить свои планы быстро и эффективно. Новая маркетинговая кампания проходила без проблем, и обе гостиничные группы уже пожинали плоды. Ее выбор партнера для спасения «Клеменджерз» и продвижения бизнеса оказался целиком и полностью оправданным.

Персонал «Силверз» не отличался такой преданностью, как в «Клеменджерз», но Доменика уважали все, хотя он был требовательным, а иногда и очень строгим боссом. Опал и сама начала его уважать, и со временем ее уважение только возрастало.

Было трудно не испытывать к нему симпатию. Куда девался плейбой и его многочисленные женщины? Или он просто ждет, когда она забеременеет, чтобы вернуться к прежнему образу жизни? Ей не хотелось так думать. Хотя она и приготвилась к этому, но почему-то была не в силах представить, что он станет делить время между женой и любовницами. Она обманывала себя, думая, что сможет с этим жить. Подобное будет ей ненавистно.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

— *La bella donna!* — Гульельмо Сильваньи широко раскинул руки в стороны, собираясь обнять Опал. — Ты так и не сказал мне, что у тебя такая красивая молодая жена, Доменик.

Его родители встретили их, едва они вышли из машины и оказались в широком дворе, обсаженном виноградными лозами. Опал улыбнулась, с радостью принимая объятия седовласой версии ее мужа. Гульельмо расцеловал ее в обе щеки. В свои семьдесят лет он все еще выглядел сильным и красивым, хотя, судя по тому, как висела на нем одежда, было ясно, что во время своего недавнего лечения он похудел.

— Как же тебе удалось завоевать руку такой женщины? — спросил он сына.

— У него не было выбора, — сказала Опал, не дав мужу возможности ответить. — Я досталась ему вместе с отелями. Пришлось соглашаться и на то, и на другое.

Доменик бросил на нее предупреждающий взгляд, но Гульельмо рассмеялся.

— Я всегда считал тебя хорошим бизнесменом, сынок, и вот тому доказательство. Подозреваю, что на этот раз ты нашел достойную пару. Ты очень обрадовала старика, моя дорогая.

Она улыбнулась, глядя на него снизу вверх. Его смех был заразителен.

— И я счастлива обрадовать вас, свекор.

Он снова засмеялся, у него увлажнились глаза.

— И я счастлив. Ты даже не подозреваешь, насколько это верно. Что скажешь, Роза?

В шестьдесят пять лет Роза Сильванны оставалась поразительно привлекательной женщиной. Она была элегантно одета: в красивую вязаную блузку и юбку. Роза улыбнулась и взяла Опал за руки. Ее добрые глаза сияли.

— *Dare il benvenuto alia famiglia.* Добро пожаловать в нашу семью. — Она поцеловала Опал и вслед за Гульельмо крепко обняла.

— *Grazie,* — ответила Опал, исчерпав словом «спасибо» свое знание итальянского языка.

— Я забываю о законах гостеприимства. У вас был нелегкий путь из аэропорта. И ты выглядишь бледной, дорогая. Сейчас Мария принесет вам поесть и выпить.

Опал не знала, хочет ли она есть или пить. Они долго летели из Сиднея, а потом ехали в семейное загородное поместье неподалеку от Вольтерры, в сельской части Тосканы. Она устала и все еще не пришла в себя после полета.

Неожиданно у нее закружилась голова, и все поплыло перед глазами.

Несмотря на уверения, что она просто не оправилась от полета, ее уложили в постель и вызвали врача. Не так уж плохо, немного погодя подумала она, подремывая в мягкой постели, под пуховым одеялом. Пришел доктор, тщательно осмотрел ее и задал несколько вопросов, довольствуясь односложными ответами. Наконец он ушел, и Опал крепко уснула.

Что-то коснулось ее губ, что-то теплое и приятное. Она открыла глаза и увидела, что возле нее сидит Доменик. Он взял ее за руку и погладил большим пальцем тыльную сторону ладони.

— Как ты себя чувствуешь?

— Лучше, — сказала Опал. — Но мне очень жаль, что, как только я приехала, из-за меня начались сплошные проблемы.

Он покачал головой. На его губах играла нежная улыбка.

— Вряд ли это можно назвать проблемой. Мои родители невероятно взволнованны. Завтрашняя вечеринка станет настоящим празднеством.

— Какая вечеринка?

— Ты не знаешь? — мягко спросил он. — Я думал, что ты, может быть, держишь это в секрете. Но врач совершенно уверен. У тебя будет ребенок, сага. Мой ребенок.

— Я беременна? — Опал положила свободную руку на живот. Ребенок. Малыш рос внутри нее. Неужели это правда?

— Он предполагает, что ты могла забеременеть восемь недель назад.

— Но тест...

Опал рассказала ему об отрицательном результате. Хотя у нее так и не начались месячные, она решила, что резкие боли в последние два дня означают, что они потерпели неудачу и в этом месяце. Неужели это были признаки развития ребенка внутри нее?..

Доменик покачал головой.

— Врач сказал, что эти тесты не всегда надежны.

Она нахмурилась, подсчитывая в уме срок.

— Но восемь недель... Это должно означать...

— Вот именно. Это должно означать, что ты забеременела, когда мы были на острове, может быть, в первую ночь, которую мы провели вместе.

Она неуверенно кивнула, пытаясь все это осознать.

— А теперь тебе надо отдохнуть. Но я хочу сказать тебе спасибо, жена.

Потом он ее поцеловал, взяв лицо Опал в ладони и касаясь губами лба, глаз и кончика носа.

На нее вновь нахлынула волна головокружения — то ли от усталости, то ли от его нежного прикосновения. Все так чудесно изменилось. Опал испытывала волнение, зная, что носит ребенка Доменика. Изменит ли это их отношения? Значит ли она для него больше, чем приложение к отелям?

За время, проведенное вместе, она уже начинала все больше и больше ценить Доменика. Он вел себя совсем не как плейбой, которым она его сочла, выходя замуж. Не было ни одного случая усомниться в его верности, если не считать брачной ночи, когда она сама толкнула его в объятия другой женщины.

Теперь Опал ни за что не заставила бы его уйти. Их занятия любовью были потрясающими. Она наслаждалась и ночами, когда они оставались наедине и часами лежали в объятиях друг друга, и моментами, украдкой проведенными в ее или его офисе. Запертая дверь, страстные объятия... Они теряли над собой контроль и оба горели как в огне. Ее ласки доставляли ему удовольствие, в этом она не сомневалась. С какой стати ему искать другую?

Может быть, она напрасно боится его измены? Может быть, слишком увлекается печальной историей своей матери? Может быть, у них есть шанс найти счастье в браке?

Поцелуи Доменика были такими нежными, а слова — теплыми и полными чувства, это не напоминало реакцию мужчины, довольного тем, что выполнены условия контракта, и не более того. Наверняка в его поцелуях было что-то еще.

— Ты осчастливила моих родителей, — сказал он. — Это идеальный подарок к годовщине свадьбы. Я не мог бы найти лучшего дара.

Ее охватило отчаяние, и она попыталась скрыть разочарование. Так вот в чем дело? Значит, она всего-навсего преподнесла подарок его родителям? Разве он не обрадовался тому, что вместе они создали нечто особенное, что это результат их любовных отношений?

— Нет проблем, — откликнулась Опал, растягивая губы в улыбке и стараясь говорить веселым голосом. — В конце концов, я здесь именно для этого. Теперь, если можно, я хотела бы

отдохнуть.

Доменик странно посмотрел на нее. Пристальный взгляд его темных глаз сбивал с толку.

— Хорошо, — сказал он, сжал ей руку и встал с кровати. — Завтра важный день. Придет много людей, которые хотят с тобой встретиться. Так что пока спи.

Но заснуть Опал не могла. Она станет матерью. Матерью! Это перестало быть сухим пунктом контракта, который необходимо выполнить, еще одним условием спасения гостиничного бизнеса и всего связанного с ним. Внутри нее рос ребенок, и он заслуживал любящую семью.

Она вовсе не хотела, чтобы этому малышу выпало такое же детство, как ей, чтобы он слишком быстро понял, что у него дома напряжение и разлад. Этого ребенка нужно воспитывать и лелеять в любви.

Если бы только у них были другие отношения! Если бы только Доменик мог оценить ее как личность и привязаться к ней не только как к инкубатору. Неужели она просит слишком многого?

Утро следующего дня выдалось солнечным и мягким, и приготовления уже были в полном разгаре, когда Опал встала с кровати, чувствуя себя отдохнувшей и свежей, хотя и не могла полностью избавиться от тревог. Главная заключалась в том, что ее отношение к браку с Домеником полностью изменилось. Ей стало очень важно знать, как будет складываться их супружеская жизнь в дальнейшем. Конечно, вскоре у них появится ребенок, но неужели это все?

У нее было мало времени для размышлений. Она занялась подготовкой праздника для Гульельмо и Розы, важного события, на которое, судя по всему, собиралось прийти много местных жителей. Во дворе разместили длинные столы и уставили их тарелками с итальянской закуской ассорти, макаронами и салатами. В воздухе витал сочный аромат жарившегося на вертеле барашка.

И вот вечеринка началась.

Выстроилась бесконечная очередь из желавших поздравить молодую чету с первенцем, новости о котором молниеносно распространились среди пришедших. Опал понимала, что на нее обращают больше внимания, чем на счастливую пару, праздновавшую пятьдесят лет со дня свадьбы.

Доменик стоял рядом с ней, обнимая ее за плечи одной рукой с видом собственника. Он представлял ее своим родственникам и местным жителям и постоянно спрашивал, не устала ли она. Но после долгого сна и теплого приема со стороны семьи и друзей Доменика чувствовать себя плохо в их обществе было невозможно.

Опал увидела, что к ней приближается какой-то незнакомый мужчина под руку с девушкой...

— Сапфира! — закричала она. — Я не знала, что ты приедешь.

Сапфи засмеялась и поцеловала сестру. Она представила ей Паоло, «доброего друга», а потом повернулась к Доменику.

— Я ничего не знала до вчерашнего дня. Твой муж, Опал, позаботился обо всем, чтобы сделать

тебе сюрприз.

Опал с подозрением взглянула на Доменика, но его глаза были скрыты солнцезащитными очками.

— Вот как?

— Конечно! Он от тебя без ума. Я так рада, что у вас будет ребенок. Поздравляю.

Опал снова повернулась к нему, пытаясь найти хоть какое-то подтверждение его любви, но улыбка Доменика ни о чем ей не говорила. Как он может быть таким заботливым и тут же перестать о ней думать?

Доменик поступил великодушно, пригласив Сапфи на это празднество. И Опал хотелось думать, что им двигали чувства к ней. Настоящие чувства, а не только те, которые он должен проявлять в качестве молодожена и будущего отца. Он ее ценил, в этом не было сомнения. Но после их краткого разговора накануне вечером Опал казалось, что ее роль в его жизни ограничивалась всего лишь рождением ребенка.

Все остальное было только наносным глянцем их отношений, чтобы убедить других в искренности этого брака. Опал приходилось признать не без чувства вины, что этот лоск наносил не только он, но и она. Встреча с сестрой очень обрадовала ее, и все же она страдала, видя, что их семьи втянуты в фальшь, окружавшую ее брак.

Ближе к вечеру Роза под предлогом знакомства с садом увела Опал от гостей. Держась под руки, они гуляли неподалеку от дома, свекровь показывала ей виноградники, оливковые рощи и границы имения, обозначенные прямыми соснами, спускавшимися по склону холма. Наконец перед ними открылся вид кустов розмарина, посаженных маленькими симметричными рядами. Внизу раскинулась долина, а вверх уходил еще один холм и виднелись стены города Вольтерры.

— Здесь прошла жизнь нескольких поколений Сильваньи, — сказала Роза. — У нас есть особняк в городе, мы можем остановиться и в любом из отелей, но наш родной дом всегда будет тут.

— Неудивительно, — улыбнулась Опал, любуясь мирной красотой пейзажа. — Здесь так красиво.

Роза взяла Опал за руку.

— И ты тоже красива, моя дорогая. Спасибо за то, что благодаря тебе наше празднество стало таким знаменательным.

— И вам спасибо за теплый прием. Мне очень жаль, что вы не смогли приехать в Сидней на нашу свадьбу. — Опал некоторое время колебалась, подыскивая нужные слова, чтобы объяснить их необычное обручение. — Все произошло так быстро.

— Я понимаю, — сказала Роза, похлопав Опал по руке. — Тогда мы не могли путешествовать: как ты знаешь, Гульельмо проходил курс химиотерапии. Но его очень обрадовало, что Доменик наконец нашел себе жену. — Она прищелкнула языком. — А теперь у вас будет ребенок. Мы счастливы, очень, очень счастливы. Я уверена, что теперь Гульельмо выздоровеет гораздо скорее. — Опал увидела, что Роза вытирает выступившие слезы. — Дети — это дар от Бога, — проговорила она, и на последнем слове ее голос прервался.

Опал сжала руки Розы. Она чувствовала, что та рассказала ей еще не все.

— Мне было пятнадцать лет, когда я вышла за Гульельмо. Я так волновалась — мы встретились тогда в первый раз, — но ему уже исполнилось двадцать лет, и он был таким красивым, высоким, гордым. Я не могла в него не влюбиться. — Женщина улыбнулась. — Может, тебе покажется странной мысль о браке, устроенном по сговору...

Опал улыбнулась в ответ, думая, что времена, в конце концов, не так уж и изменились.

— ...но прошло пятьдесят лет, и мы до сих пор вместе, до сих пор любим друг друга. Я хотела дать ему счастливую семью, окружить его детьми и заботой. — Она помолчала. — Но все произошло по-другому. Мы пытались родить ребенка несколько лет, и все безуспешно. И когда я забеременела, Гульельмо был невероятно рад.

Прошло шесть месяцев, и я потеряла ребенка... Потом чудо повторилось. Я забеременела во второй раз, Гульельмо решил не рисковать. У меня были лучшие врачи, лучший медицинский уход, и я долго лежала в больнице, где мне совершенно ничего не позволяли делать. Наконец пришло время, и начались роды. Гульельмо так волновался. Он был рядом со мной, когда что-то пошло не так. Меня тут же отвезли в операционную, сделали кесарево сечение, а потом начали бороться, чтобы спасти жизнь и Доменику, и мне. После этого врачи сказали, что у меня больше не будет детей. — Она вздохнула. — Так что ты понимаешь, моя дорогая, почему мы так рады новостям о вашем ребенке, почему так счастливы, узнав о твоей беременности. И особенно Гульельмо. Ты дала ему лучшее в мире лекарство. Более того, ты дала ему стимул, чтобы жить дальше. Доменик не только привез нам красивую молодую жену, но и надежду, что скоро родится внук. Для нас это действительно самый великий дар из всех — дар жизни.

Опал посмотрела в добрые глаза свекрови, полные слез, и напряженно улыбнулась, пытаясь справиться с собственными нахлынувшими переживаниями. Не в силах говорить, она обняла пожилую женщину за плечи и крепко прижала к себе. Ее сердце разрывалось при мысли о том, что этой женщине пришлось пройти через огромную боль, чтобы достичь того, что должно быть таким естественным.

Для нее это оказалось легко. И столько значило для Розы и Гульельмо! Вот что имел в виду Доменик вчера вечером, когда сказал, что ее беременность — идеальный подарок. Естественно, он знал, чего стоило его матери рождение сына.

Неудивительно, что он страстно хотел ребенка и в последнюю минуту вписал это дополнение в контракт, избрав ее, Опал Клеменджер, в матери его будущего наследника.

Опал переполняла нахлынувшие чувства: такая ответственность сильно на нее подействовала, и, когда Роза положила голову ей на плечо, она испытала огромную гордость.

Как же можно сердиться на человека, который так старается, чтобы его родители были счастливы? Как можно не любить его?

Опал широко раскрыла глаза. Что за дурацкая мысль!

Она его не любит!

Любовь тут ни при чем. Она не являлась частью сделки.

Конечно, Опал расстроилась, когда вчера вечером он вышел из ее комнаты, но тогда она просто дала волю эмоциям. В конце концов, она только что узнала, что забеременела. И еще ее разозлило, что Доменик больше волновался за своих родителей, нежели за них обоих, но ведь в тот момент она еще не знала их истории...

Лгунья, ответило ее сердце. По какой еще причине в последнее время враждебность к Доменику сменилась привязанностью? По какой еще причине она мечтает о его прикосновении, его ласке, его нежных словах, убаюкивающих ее, когда она лежит в объятиях Доменика?

По какой еще причине, если не из-за любви?

Опал медленно перевела дыхание. Она не предполагала, что с ней такое случится. Ведь ради собственного душевного равновесия пообещала себе, что никогда его не полюбит.

Но это произошло.

Роза пошевелилась, сидя рядом с ней.

— В чем дело, дорогая? Что-нибудь не так?

А Опал пробовала на вкус слова, которые никогда не думала произносить.

— Я люблю Доменика, — медленно сказала она. — Я люблю вашего сына.

С губ Розы сорвался смешок. Она встала и поцеловала Опал в лоб.

— Тебе незачем говорить мне об этом. Каждый раз, когда ты на него смотришь, это можно понять по твоим глазам. — Она снова взяла Опал за руку и крепко обняла ее. — А теперь давай вернемся на вечеринку, пока все не решили, что мы заблудились.

Опал провела в Италии чудесные две недели. Ее приняли как родную. Гульельмо с каждым днем выглядел все лучше. Даже начал набирать вес. Роза явно наслаждалась ощущением, что ее окружает семья, о которой она всегда мечтала.

А Доменик был само внимание.

Он отвез Опал в город на прием к специалисту. Тот подтвердил диагноз местного врача и заверил, что все идет хорошо. По дороге домой Доменик остановился в харчевне, где им подали огромные порции макарон и ломти хрустящего хлеба. Они поговорили о новостях, которые сообщил им врач, и обсудили имя, которое дадут малышу.

Доменик уже думал о будущем, мечтая, что они не ограничатся одним ребенком. Он хотел, чтобы у его ребенка была компания, которой сам он был лишен в детстве. Опал согласилась. Она не могла представить себе жизнь без братьев и сестер. Конечно, малыш не должен расти в одиночестве.

Еще недавно она не сомневалась, что никогда не выйдет замуж, а теперь сидела и рассуждала о будущей семье, как будто годами только о том и думала.

Они поболтали об архитектуре, политике и моде, обсудили работу местных отелей, ресторанов и даже рынков, словно старались компенсировать время, которого у них не нашлось на беседы до брака. Сейчас они наконец познакомились друг с другом.

Только тема любви не затрагивалась ими. Опал никак не могла решиться сообщить Доменику то, что поняла совсем недавно. Зачем? Доменик ей не поверит. Она ведь поклялась, что никогда его не полюбит. А судя по тому, что он ей сказал, заключая сделку, его это устраивало. Доменик не нуждался в ее любви. Эта сделка касалась создания семьи, ему был

нужен наследник; условия их предсвадебного контракта дальше не заходили.

Поэтому Опал ему ничего не сказала. Просто сомневалась, что сумеет найти нужные слова. Когда она узнала о своем чувстве к нему, ей вспомнился урок, который дал ей Доменик в «феррари», услышав, что она привыкла водить более скромный автомобиль — «хонду». Каждый рычаг в эксклюзивной машине был в другой позиции, каждое переключение передач требовало разных действий. Это был совершенно другой зверь. И, если на то пошло, в том, что касалось любви, она тоже была новичком, оказавшимся в шикарном автомобиле.

Сам Доменик никогда не упоминал слово «любовь». Он уже получил все, что хотел от этого брака. Чувства тут были ни при чем.

Если не считать моментов, когда они оказывались в постели. Там страсть выходила на первое место. К чему говорить о любви, когда занимаешься ею каждую ночь?

Они весело провели Рождество в Тоскане. Из Милана приехала Сапфи, к которой на следующий день присоединился Паоло. Доменик настоял на том, чтобы на праздник прилетела и Руби, и Опал обрадовалась, что сможет ее увидеть.

Опал никогда не чувствовала себя счастливой. В их доме ни разу не было такого Рождества. Теперь страхи о том, что Доменик снова вернется к жизни плейбоя, казались ей смешными. Даже если Доменик ее не любит, он ни за что не стал бы рисковать своей новой семьей и счастьем своих родителей, так как очень высоко ставил семейные традиции.

Пусть он не любит ее, зато она может наслаждаться покоем и заботой, которыми ее окружили.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

После тосканских просторов Сидней показался душным и гнетущим. Солнечный свет конца декабря пропекал стены и мостовые и отражался от поверхности воды в гавани ослепительными вспышками.

Опал с головой ушла в работу «Клеменджерз». Ей годами не доводилось испытывать подобное ощущение счастья. У всех трех отелей дела шли успешно, персонал был доволен, а свободных номеров почти не оставалось. Слияние пошло на пользу и «Силверз». В результате заключенной сделки они начали действовать совместно, и взаимное обогащение идеями двух гостиничных сетей уже приносило первые плоды.

Ее беспокоил только «Дом Перл». После Рождества там осталось лишь несколько жильцов, многие пытались вернуться домой или остановиться в другой семье. Дженни Скотт с дочерью снова оказалась в «Доме Перл», после того как сгорел их многоквартирный дом. Причину так и не установили — может быть, пожар начался потому, что было слишком много огней на рождественских елках, — но полицейские кое-что подозревали. Теперь, когда Опал вернулась, она сумеет лучше присмотреть за «Домом Перл». Может быть, даже позаботится о новом месте, более просторном, как и собиралась.

Опал читала последний доклад Дейрдре Хэнкок, как вдруг в дверь постучали, и она тут же открылась. В кабинет вошел Доменик и запер за собой дверь. Опал не ожидала, что увидит его сегодня, и поспешно перевернула бумаги. Доменик взял ее за подбородок и не отпускал, наклоняясь все ниже к своей жене.

— Привет, — задыхаясь, прошептала она.

Через секунду он прижался губами к ее губам и положил руку ей на затылок, прижимая ближе к себе. Его рот скользил по ее рту. От чувственного танца губ и языка у нее участился пульс.

Опал никак не могла привыкнуть к действию, которое он на нее оказывал. Каждый раз оказывался для Опал первым. Теперь она знала, как хорошо им вместе, и поэтому желала его все сильнее.

— Привет, Опал, — сказал Доменик едва слышным, чуть охрипшим голосом. — Ты занята?

Его губы отодвинулись не больше чем на миллиметр, поэтому она не услышала, а, скорее, почувствовала каждое слово, колебавшее воздух между ними.

Уголки ее рта приподнялись, ее охватило знакомое волнение.

— А что ты задумал?

— Может быть, немного романтики в кабинете? — Он уткнулся ей в шею.

Она задрожала от удовольствия. Сегодня утром, перед завтраком, они занимались любовью, и все-таки он уже снова желал ее.

Доменик поднял Опал на ноги, положил руки ей на талию. Потом высвободил длинную шелковую блузу из-под ремешка юбки и повернул Опал, так что она оказалась лицом к столу. Его ладони двинулись вверх, поймали в ловушку ее груди и принялись их массировать, медленно и ритмично, в то время как его горячее дыхание опаляло ей шею. Через минуту пальцы Доменика проникли под кружевной бюстгальтер и подняли его вверх. Ее груди оказались у него в руках. Соски были восхитительно чувствительными из-за ранней стадии беременности, а груди — полными и упругими. Доменик крепко прижался к спине Опал, а она обхватила стол и начала покачиваться, покоряясь его желанию.

Он превратил ее из неопытной девственницы в свою женщину, свою жену, и теперь хотел исключительной страсти. Его пылкий огонь невероятно волновал Опал.

Доменик задрал ей юбку и что-то одобрительно прошептал, когда его пальцы коснулись верхней части чулок и подвязок, которые он подарил ей на Рождество. Потом его рука скользнула между ног Опал. Она пошевелилась, чтобы ему было удобнее.

Она хотела, чтобы он полностью овладел ею. Доменик быстро расстегнул молнию на своих брюках и, прижав руку к спине Опал, заставил ее лечь, другой широко раздвинул ей бедра. Ее жар все возрастал, и наконец одним рывком он вошел в нее. С криком, принесшим такое удовлетворение!

Он распался на нее, увлекал за собой — все ближе и ближе к всепоглощающему пику блаженства.

Доменик последний раз вскрикнул и упал на нее, прямо на стол. Они оба задыхались, стремясь вернуть в легкие кислород, поглощенный огнем страсти; их усталые тела лоснились от пота.

Ей захотелось ему сказать, как много он для нее значит и что она чувствует к нему. Теперь этот мужчина был ее частью. Он силой ворвался в жизнь Опал, а потом показал ей, насколько жизнь может быть богатой, научил ее любовным ласкам, подарил ей ребенка.

Он был ей нужен как воздух.

Она любила его.

Доменик поднял Опал, набросил на нее одежду и заключил в объятия. Она посмотрела на него снизу вверх, желая увидеть его глаза, когда она скажет: Я люблю тебя. Ее губы уже собирались произнести эти слова, но внезапно она начала колебаться, почувствовав страх.

Что, если ему не нужна ее любовь? Что, если ему все равно? Он уже полностью обладал телом Опал. Следует ли Доменику знать, что ему принадлежит и ее сердце?

Он поцеловал Опал в губы, нежно и мягко, и она, закрыв глаза, ответила на его поцелуй.

— Так что ты думаешь о романтике в кабинете? — спросил Доменик.

Она приподняла бровь.

— Думаю, ее должно быть больше.

У него вырвался мягкий смешок. Он чмокнул Опал в кончик носа.

— Думаю, я могу это устроить. Но придется подождать до моего возвращения. Сегодня вечером я уезжаю.

— Уезжаешь? Так скоро? — Она отшатнулась. Доменик не предупреждал ее об отъезде, а ведь послезавтра канун Нового года. Опал собиралась устроить особенный обед, а затем полюбоваться вместе с высоты птичьего полета на фейерверк в Сиднейской гавани из окна квартиры-«пентхаус». Хорошее начало Нового года. Для них обоих. — Но почему?

— У меня дела в Лондоне. Я должен ехать.

— О! — Она отошла к маленькому зеркалу за дверью, чтобы привести себя в порядок. Конечно, он возглавлял огромную гостиничную империю. Путешествия были частью его работы. Что-нибудь не так?

— Ничего, что могло бы тебя волновать. Я с этим разберусь, а потом вернусь обратно.

— Но... это обязательно сейчас?

— Да, именно сейчас. — Он подошел к ней, взял за плечи, развернул к себе и поцеловал в лоб. — Я уезжаю через два часа. Забежал попрощаться.

— Можно было обойтись без этих сложностей, — сказала Опал, пытаясь скрыть свои чувства. — Ты мог просто прислать письмо по электронной почте.

Он приподнял брови.

— Вот как ты поступаешь, да?

— Как я поступаю? — весело спросила она.

— Делаешь вид, будто что-то не имеет никакого значения, а в действительности — наоборот.

— Что ты хочешь сказать?

— Тебя не радует мой отъезд. Почему ты притворяешься безразличной?

— Кто сказал, что меня не радует твой отъезд? О, конечно! — со смехом воскликнула Опал. — Мне будет не хватать секса. Но ведь на самом деле между нами больше ничего нет. Секс и... она провела рукой по животу, — и ребенок.

— Ты говоришь «ребенок» так, словно это какое-то проклятье. Какая-то обязанность.

Она недоверчиво посмотрела на него снизу вверх.

— А разве это не так? У меня явно не было выбора. Ты не дал мне выбора. Брак, которого я не хотела. Ребенок, которого хотел ты. Я выполнила оба условия, а теперь, покончив со статьями твоего контракта, я больше ничего тебе не должна. И уж конечно, не объяснения своих чувств.

— При чем здесь контракт? Как бы то ни было, мы женаты и ты носишь моего ребенка.

— Без этого контракта мы бы никогда не поженились. Без контракта, который подготовил ты. А этот ребенок, — ее рука задержалась внизу живота, — означает, что выполнено еще одно условие сделки. Больше нас ничего не связывает.

— Понятно, — сказал Доменик, взяв себя в руки. — Ты права. Больше нас ничего не связывает. — Он прошел мимо Опал, отпер дверь и распахнул ее. — Я дам тебе знать, когда вернусь. Может быть, на этот раз просто пришлю письмо по электронной почте.

Доменик вышел. Глупо! Глупо! Глупо!

Опал упала в кресло. Что, черт возьми, с ней не так? То она собирается признаться ему в любви, то нападает на него и бросает ему в лицо жестокие слова.

И все же он согласился. Их связывает только контракт. Именно сейчас у него была возможность сказать, испытывает ли он к ней хоть какое-то чувство, но Доменик не воспользовался этой возможностью.

Для него она всего лишь партнерша по сексу, всегда находящаяся под рукой.

И она только что доказала, насколько готова отдаваться ему, даже на столе. Подумать только, она почти призналась ему в любви! Дура! Идиотка!

Опал вздохнула. Зачем себя мучить? Она с самого начала знала, как будут обстоять дела. И не стоит надеяться на то, что никогда не произойдет.

Доменик уехал, а у нее есть работа. Опал вернулась к столу, взяла доклад Дейрдре Хэнкок и заставила себя читать.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Доменик налил из графина шотландского виски и взглянул на часы. Девять вечера. Она скоро придет.

Он подошел к дверям балкона отеля «Силверз» в Лондоне и посмотрел вниз на украшенную гирляндами и цветными огнями улицу. В Сиднее уже наступило утро. Подозревает ли что-нибудь Опал? Доменик сомневался в этом. За последние несколько недель он не сказал и не сделал ничего такого, чтобы она могла о чем-то догадаться. Он считал себя идеальным мужем. А вот Опал, как выяснилось, придерживалась иного мнения.

В дверь позвонили. Ему нравилось, когда женщины пунктуальны. Доменик подошел к двери и

распахнул ее.

— Дорогой Домми! — пропела Эмма. В одной руке она сжимала бутылку «Моэт», другой обвила его шею и поцеловала в щеку покрашенными губами.

— Эмма... — сказал Доменик, чувствуя, что она уже выпила немало шампанского, судя по горящим щекам и невнятной речи. Он взял носовой платок и стер помаду со щеки. — Как ты нашла меня на этот раз?

Ее хриплый смех заставил его скрипнуть зубами.

— У меня повсюду шпионы. Кое-кто увидел тебя в Хитроу. Я знала, что найду тебя здесь. Разве не замечательно, что мы оба вместе в Лондоне и накануне Нового года? Разве ты не рад меня видеть? — Она уронила фольгу и, умело действуя, театрально хлопнула пробкой и засмеялась, когда из бутылки хлынула пена. — О, быстро. Бокалы!

Доменик направился к винному бару, вынул бокал и подставил под струю из бутылки.

— Всего один? — Эмма широко раскрыла глаза и надула губы. — Разве ты не станешь делить со мной тост и праздновать Новый год? Я так разволновалась, когда узнала, что ты здесь.

— Я не буду пить, — сказал он. — Если на то пошло, думаю, что тебе лучше уйти. Я кое-кого жду с минуты на минуту.

Эмма отняла бокал от губ, ее глаза, умело подкрашенные синими тенями, сузились.

— Женщину?

— Вообще-то да.

Как он только мог когда-то считать ее привлекательной? Конечно, она была классически красива. Светлые волосы, ухоженные ногти, облегающее платье, расшитое блестками, которое чересчур открывает ноги и ложбинку на груди. Но у нее нет такого цвета лица, как у Опал, нет такого духа и силы характера. Нет привлекательных изгибов, которые идеально устраивали его ночью... Доменик вздохнул. Он тосковал по Опал больше, чем сознавал это.

— Так, значит, с той австралийской женошкой все кончено. Я так и знала!

— Моя жена, — заявил он, взяв ее за руку и таща к двери, — сейчас дома в Австралии, ждет нашего первого ребенка.

— Уже! — Эмма вывернулась, издав восклицание. — Разреши, я возьму мою бутылку, и мы произнесем тост. — Она бросилась к бутылке, налила в бокал шампанского и подняла его, глядя на Доменика, а потом сделала большой глоток.

— Уходи, Эмма.

— Хорошо. Вот только припудрю носик. Где тут у тебя ванная комната, Домми?

Затаив дыхание, он ждал, когда она вернется и наконец уйдет навсегда из его комнаты и из его жизни.

В дверь позвонили, и Доменик выругался, пожалев, что не выставил Эмму пять минут назад. Слишком многое было поставлено на карту. Он провел рукой по волосам и взялся за

шарообразную ручку. Женщина за дверью могла не дожидаться. А ему стоило огромного труда убедить ее прийти сюда.

Доменик открыл дверь, и в этот момент раздался телефонный звонок.

Черт! Кто бы это ни был, ему придется оставить сообщение на автоответчике; сейчас важнее поговорить с женщиной, стоявшей на пороге номера.

Телефон умолк. Вошедшая гостья была элегантно одета, среднего роста и с еще хорошей фигурой, хотя седеющие волосы и морщинки вокруг глаз выдавали ее возраст. Он ее нашел.

В дверях появилась Эмма.

— Я вас знаю? — спросила она. Потом покачала головой. — Нет. Впервые вижу.

Доменик шагнул назад, чтобы дать Эмме возможность выйти из номера.

— Я ответила на телефонный звонок, потому что ты не взял трубку.

— И?.. — нетерпеливо спросил он.

Эмма пожала плечами, ее груди чуть не вывалились из платья.

— Наверное, ошиблись номером. — Она повернулась на каблуках и шагнула к двери, но обернулась. — О, Доменик, должна сказать, что твой вкус в отношении женщин не становится лучше.

Он успел нанести ответный удар, прежде чем закрыл дверь:

— В этом ты ошибаешься. Мой вкус в отношении женщин никогда не был лучше, чем сейчас.

Опал недоверчиво уставилась на телефон. Два дня она думала об их последнем разговоре. Два дня терзалась угрызениями совести и плакала.

Она вела себя грубо и попросту очень глупо. И сегодня решила позвонить, извиниться и поздравить Доменика с Новым годом. Просто объяснит ему, что она о нем думает и что с нетерпением ждет его возвращения.

Сначала она подумала, что ее соединили с другим номером. Потом в американском протяжном произношении говорившей женщины ей послышалось то, от чего по спине побежали мурашки, а сердце сжалось.

Эмма! Там — в его комнате.

Опал повесила трубку. Боже, какой ужас!

А почему, собственно, это ее удивляет? Она и раньше знала, что Доменик плейбой, знала, что такие, как он, не долго бывают счастливы с неопытными женщинами, особенно когда эти женщины беременеют и с ними больше незачем спать.

И с кем, в конце концов, Доменик провел брачную ночь? Конечно, с Эммой, так же как и сейчас. Во всяком случае, это объясняло его поспешный отъезд. Он торопился снова встретиться со своей дамой сердца.

Подробности не имеют значения. Опал и раньше понимала, что из их брака не выйдет ничего хорошего. Ей не изменить характер своего мужа. Пример матери многому ее научил.

Отчаяние заставило Опал съежиться на скомканных простынях. Перед заплаканными глазами вставали сцены из безмятежной жизни в Италии...

Все это было спектаклем. Доменик никогда ее не полюбит. Он на это не способен.

Все, решение принято. Опал не сможет жить с Домеником и ждать, когда он вернется домой, после чего отправится на очередную увеселительную прогулку, к своей очередной любовнице. У нее не хватит сил мириться с этим унижением. Если он ее не любит, ей лучше уйти.

Она положила руку на живот. Внутри нее рос драгоценный груз. У нее была ответственность перед своим ребенком. Она должна растить его, окружив любовью.

Опал скатилась с кровати и тяжело двинулась в туалет. Она оказалась там как раз вовремя. Нагнув голову, упала на колени перед унитазом, и ее стошнило.

Она не отвечала на телефонные звонки. Персонал ее не видел. Где же она? Доменик тревожился. Если именно Опал звонила, когда Эмма взяла трубку...

— Черт, — еле слышно прошептал он. Думать об этом было невыносимо.

На улице стало безлюдно. Пошел снег, и все, кроме самых заядлых любителей ходить в гости, предпочли вернуться домой.

Завтра, или даже сегодня, Доменик сядет на самолет и полетит в Сидней. А пока ему надо немного поспать. Но он не мог заснуть, не убедившись, что у Опал все в порядке.

Как ему хотелось скорее ее увидеть! Скоро, очень скоро, подумал он и снова поднял телефонную трубку.

Спальня Опал была на втором этаже, с видом на улицу. Она оказалась маленькой, чистой, на окнах висели веселые занавески из набивной ткани с цветочными узорами. Дейрдре явно удивилась, когда увидела ее в дверях с чемоданом в руке. Но, бросив взгляд на заплаканные глаза Опал, отвела ее в одну из комнат. За это Опал была ей благодарна.

Она лежала в кровати, уставившись в потолок. Слава небесам, что Доменик не знает о «Доме Перл». Потом ей придется найти что-нибудь более постоянное, но пока она была в безопасности. Когда Доменик раскроет ее секрет, она уже исчезнет. Но пока что ей нельзя терять время — надо решить, что делать дальше.

Скоро она выйдет в салон и поговорит с остальными. Тоже будет готовить еду, станет заниматься уборкой. Но это может подождать.

Из коридора донесся детский смех. Бриттани Скотт играла на лестничной площадке, одевала и раздевала своих кукол. Ее лепет успокоил Опал, привел ее в мирное состояние.

Опал улыбнулась про себя. У нее будет ребенок. Ей бы хотелось девочку. Или, может быть, родится мальчик? Тоже было бы хорошо. Он будет похожим на Доменика и вырастет сильным и красивым... А потом пойдет и разобьет сердце какой-нибудь глупышке, так же как его дедушка разбил сердце бабушке, а отец разбил сердце ей.

Она уткнулась лицом в подушку и зажмурилась. Слишком много разбитых сердец. Чересчур много для такой маленькой планеты. Но почему среди них должно быть ее сердце?

Следующие два дня выдались жаркими и влажными, солнце сильно палило. Люди ехали на пляж или к гавани, поближе к воде, туда, где дул освежающий ветерок. На улице было тихо. Оставшиеся дома не выходили на раскаленный воздух.

Дейдре предложила поехать на целый день на пляж Бонди, и все этому обрадовались. Только Дженни Скотт отказалась. Она страдала от мигрени, которая усиливалась в жару. Бриттани не могла ехать без матери, поэтому Опал согласилась остаться и помочь. Она не могла находиться на людях. Раны были еще слишком свежими.

Когда все уехали, стало тихо. Бриттани играла со своими куклами на лестничной площадке, чтобы не мешать матери, которая устроилась в ванной на первом этаже, где было прохладно. Опал в салоне читала книгу. Задернутые занавески служили барьером от жары, слышался только шум вентилятора.

Внезапно наверху раздался звон разбитого окна. Посыпались стекла, потом запахло бензином и дымом, и послышался отчаянный детский крик.

Опал бросилась вверх по лестнице, пытаясь добежать до девочки, но там уже было не пройти. Непонятно, что бросили в окно, но верхние ступени пылали всюду, пламя разгоралось все сильнее, дым валил густыми черными клубами. Противопожарный детектор над лестницей пришел в действие и издал пронзительный свист. Дженни, шатаясь, вышла из ванной.

— Что происходит? Где Бриттани? — Лицо ее побелело. — О боже мой! — закричала она. — Бриттани!

Опал схватила ее за плечи.

— Мы не можем подняться. Беги к соседям, вызови пожарную команду.

— Бриттани! — причитала Дженни, пытаясь взобраться по лестнице. — Мой ребенок!

— Иди! — велела ей Опал.

Дженни, спотыкаясь, вышла из парадной двери. Бриттани рыдала и звала мать. Ее крики заглушал шум бушующего пламени. Лестницу отрезал огонь, и подняться было нельзя.

— Бриттани! — позвала Опал, захлебываясь дымом, надеясь, что девочка ее услышит. — Иди к себе в спальню и закрой дверь. Пожарная команда уже едет.

По крайней мере Опал надеялась, что едет. Спальня Бриттани была сзади, над кухней. Сумела ли она туда попасть?

Где пожарная команда? Где все? Опал понимала, что времени мало. Она быстро оглядела сад позади дома. У забора стояла старая лестница, которая, похоже, смогла бы выдержать ее вес. Опал выволокла лестницу и приставила к задней стене. До окна не хватало трех футов, но по крайней мере она сможет что-нибудь оттуда увидеть.

Опал огляделась, прислушиваясь. Где же сирены?

В трещины вокруг окна начинал просачиваться дым. У нее не было выбора. Она стала

подниматься по лестнице.

Не так уж высоко, сказала она себе, стараясь не обращать внимания на то, что лестница шатается. Не смотри вниз! Опал принялась смотреть вверх, на подоконник, который постепенно приближался. Она остановилась на третьей сверху ступеньке и подняла руки, пытаясь дотянуться до стены. Уцепилась за подоконник и в окно разглядела закрытую дверь. Из-под двери просачивался дым.

Пожалуйста, Боже, хоть бы с Бриттани ничего не случилось. Опал осмотрела комнату и увидела ножку в туфле, которая торчала из-под кровати.

— Бриттани! — пронзительно закричала Опал.

Ножка задвигалась, а дым стал еще гуще. В любую минуту огонь может ворваться в комнату. Опал должна была что-то сделать. На карту поставлена жизнь ребенка.

Из соседних домов появились люди. Они стали бегать со шлангами и ведрами, поливая ближайшие постройки.

Спасительных сирен все еще не было слышно. Ей придется рискнуть. Опал огляделась в поисках чего-нибудь, чем можно разбить окно, пока не рухнула дверь. В отчаянии она подняла ногу, скинула туфлю и ударила каблуком по стеклу. Оно разбилось с первой же попытки. Опал покрутила задвижку на внутренней части окна, потом изо всех сил нажала на раму, поднимая ее.

— Бриттани! — завопила Опал, перекрывая рев разгоравшегося пламени и стараясь не кашлять. — Я иду. Оставайся на полу.

Внизу должен быть тонкий слой воздуха, пригодного для дыхания, по крайней мере на какое-то время. Шанс еще оставался.

Но ей мешали занавески. Опал дернула за них, и они сорвались с карниза легче, чем она ожидала. Внизу от них было больше пользы, ткань частично прикрыла осколки оконного стекла. Опал рывком вскочила на подоконник. Сирены. Наконец-то!

Может ли она ждать? Может ли ждать Бриттани?

Теперь ее отделяло от Бриттани меньше трех метров. Жара была невероятной, пол под дверью лизали языки пламени. Через минуту на них обрушится вся мощь огня.

Опал прыгнула, приземлившись на упавшие занавески. В ногу что-то вонзилось. Она скрючилась, нагнув голову, и двинулась по битому стеклу к кровати, где укрылась девочка. Если Бриттани сейчас запаникует и тронется с места, она может не найти ее в пепельной темноте.

Она ударилась головой о кровать. Сунула под нее руку и распласталась, щупая. Наконец ее рука коснулась маленькой лодыжки. Опал осторожно дернула.

— Бриттани! — Нет ответа.

Ее охватила паника. Но ведь она только что видела, как та пошевелилась. Малышка не могла умереть. Она сильнее дернула за ногу.

Девочка была легкой, и Опал без труда притянула ее к себе, но ребенок обмяк в ее руках. Голова Бриттани безжизненно моталась.

Где окно? Все было черным и серым, полным удушающего дыма и пепла. Опал крепко прижала девочку к себе и поползла в направлении, которое, как она надеялась, приведет ее к окну, их единственному шансу на спасение.

Она должна выбраться. Не только ради собственной жизни.

Не только ради жизни девчушки у нее на руках.

Но ради ребенка Доменика. Доменик, подумала она, прости меня... Ее мысли мешались.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Доменик видел дым, поворачивая в пригород. Его мрачное настроение стало еще хуже, когда он повел машину к дому, который, как он узнал, был убежищем, управляемым Опал. Он не смог дозвониться ей из Лондона, и этого было достаточно, чтобы расстроиться, но когда он вернулся в Сидней, то обнаружил, что она уехала.

Почему? Конечно, они поссорились перед его отъездом. Но ему всегда казалось, что она не из тех, кто пасует перед трудностями.

К счастью, он умолчал, что знает о ее секрете. Скорее всего, именно в этот дом она и сбежала. Доменик заметил, что темные клубы приближаются. Должно быть, пожар где-то рядом с ней.

Это ее дом!

Языки пламени вырывались из верхнего окна, лизали старые кирпичи, поднимались к крыше здания.

Где пожарные машины? Доменик съехал с дороги, достал свой сотовый телефон и набрал номер.

— Три минуты, — заверил его оператор.

Доменик выскочил из машины и протолкнулся сквозь толпу. Одна женщина истерически визжала и звала кого-то, а другая ее держала и не пускала в дом.

— Вы здесь живете? — спросил он.

Женщина посмотрела на него дикими красными глазами, подняла руку и указала на горящее здание.

— Бриттани, — прохрипела она.

— А Опал? Где Опал?

Она сделала безнадежный жест и снова повернулась к горящему зданию.

НЕТ!

Она не могла находиться внутри. Войти с парадного входа было невозможно: там все горело. Ему придется попытаться проникнуть в дом сзади. Парадная дверь в соседнем доме была

открыта, там работали со шлангами, поливая строение, и он воспользовался этим. Пробежал по узкому прямому коридору, выскочил из задней двери и огляделся. Кто-то приставил к стене лестницу.

— ОПАЛ!

Доменик не стал ждать ответа, перепрыгнул через деревянный забор и бросился к лестнице.

Та зашаталась и заскрипела под его весом, но он думал только о том, чтобы добраться до верхней ступеньки. Найти Опал.

Из окна валил дым, густой и удушливый. Пламени не было, но он знал, что дым может быть так же смертелен. Сирены приближались, но успеют ли они вовремя? Доменик сделал последнее усилие и влез в окно.

Он оказался в раскаленной печи. Если рухнет дверь, надежды не останется.

— Опал! — закричал Доменик и прикрыл нос платком.

Ее не было видно. Но она должна быть в этой комнате. Он должен ее найти.

Послышался какой-то звук — прерывистый кашель? — и что-то ударило о его ногу.

Доменик нащупал чье-то плечо, быстро нагнулся и поднял Опал. На ее руках был ребенок. В этот миг дверь слетела с расплавившихся петель, и в комнату ворвалась огненная стена.

Он взвалил ребенка на плечо и подтолкнул Опал к окну. Из всех сил пытаясь собраться с силами, она нашла ступеньки и стала спускаться. Велика вероятность, что Опал сломает ногу, но здесь на карту поставлена жизнь. У него за спиной горели кровати, языки пламени подбирались все ближе, дышать было невозможно. Доменик начал спускаться вслед за ней.

Как только он выкарабкался наружу, спальня взорвалась и превратилась в огненный шар, который выдул то, что осталось от окна, и стекло разлетелось во все стороны, осыпав пожарные машины, которые наконец приехали.

Доменик преодолел несколько последних ступенек и почувствовал под ногами землю. Через секунду ребенка сняли с его плеча и унесли к «скорой помощи». Он услышал: «Ты герой, приятель» — и отрицательно покачал головой. Героиней была Опал. Это она нашла ребенка. Если бы не она, девочка погибла бы.

Опал окружили люди в форме. Почему-то ей показалось, что в горячей комнате ее подтащил к окну не кто иной, как Доменик. Но такого не могло быть. Доменик в Лондоне с Эммой. И даже если он оказался дома, в Сиднее, то не знал, где ее найти.

У нее наверняка галлюцинации.

Фельдшеры понесли ее к «скорой помощи», прижали к лицу кислородную маску. Она глубоко вдохнула, и в обожженные легкие хлынул живительный газ. Сделав несколько вдохов, Опал стянула с лица маску.

— Бриттани? — спросила она фельдшера, который пытался извлечь из ее ноги зазубренный осколок стекла.

— Маленькая девочка? Она жива, ее увезли в больницу. — Он похлопал ее по плечу. —

Малышка в хороших руках. Не волнуйтесь.

На Опал нахлынула волна облегчения. Она зажмурилась и снова откинула голову на подушку, чувствуя, что маску возвращают на место.

Бриттани жива! Опал переживет потерю «Дома Перл». Найдет другой дом и начнет сначала, в более просторном здании. В конце концов, это всего лишь здание.

Но мысль о том, что кто-то из жильцов, в частности ребенок, мог поплатиться жизнью, была невыносимой. Ее убежище оказалось бы не столько приютом, сколько могилой.

Опал снова глубоко вдохнула целебный газ и вспомнила, что должна узнать еще об одной вещи. Она стянула с лица маску.

— Кто тот пожарный, который меня вытащил? Я должна его поблагодарить.

— Это не пожарный, милая, — сказал фельдшер. Он заглянул за машину «скорой помощи», посмотрел по сторонам и кивнул. — Вон тот парень, в рубашке. Один из твоих соседей?

Она приподнялась и увидела Доменика.

Его лицо потемнело от дыма и сажи, рубашка была черной и рваной. В этот момент их глаза встретились, и они продолжали смотреть друг на друга издалека.

Уезжая из «Клеменджерз», Опал думала, что ее следующая встреча с Домеником будет состоять из взаимных упреков и обвинений.

А сейчас взгляд Доменика проникал ей прямо в душу.

Исчезло негодование из-за его внезапной поездки в Лондон, забылся удар в сердце, когда она обнаружила, что он там с Эммой, испарилась и боль от сознания того, что ее жизнь стала точно такой же, как у матери.

Он только что спас ей жизнь.

Нет, не так. Он спас жизнь всем троим, когда она, ее нерожденный ребенок и Бриттани погибали в той огненной комнате.

— Это не сосед, — сказала она, продолжая смотреть Доменику в глаза. — Он мой муж.

Их осматривали в больнице очень долго и наконец отпустили. И теперь, уже утром, они вместе возвращались в «Клеменджерз».

В больнице они разговаривали о Бриттани и о том, как себя чувствует Опал. Доменик помог найти временное помещение для жильцов, ставших бездомными, и глазом не моргнул, когда появилась Дейрдре Хэнкок, занялась делами и сказала, что им обоим следует хорошенько отдохнуть.

Они обходили самые важные для них вопросы. Придется подождать, пока никто не будет им мешать.

Когда за поворотом показался «Клеменджерз», Доменик взял Опал за руку. Она удивленно посмотрела на него.

— Опал, — сказал он, — я кое-кого привез с собой из Лондона. Она хотела приехать в больницу, но я попросил ее подождать в отеле.

Оцепенев, она закрыла глаза. О боже! Пожалуйста, только не Эмма. Они вместе были в Лондоне. Не мог же Доменик привезти ее сюда! Не мог же быть таким жестоким!

— Кто это? — наконец спросила Опал.

Машина повернула на подъездную аллею.

— Через несколько минут ты сама увидишь. Я знаю, тебе нужно принять душ, но она очень хочет с тобой встретиться.

Доменик проводил ее в дом, обняв за плечи, и отвел в свой кабинет.

После яркого солнечного света глаза Опал не сразу привыкли к более темному освещению. В кабинете сидела какая-то женщина. Она поднялась с кресла и нерешительно шагнула к Опал.

Опал остановилась и моргнула. Женщина подошла ближе и подняла руки.

— Опал, — дрожащим голосом сказала она. У нее на глазах выступили слезы. — Моя мечта сбылась, я снова тебя вижу.

Опал всмотрелась в ее лицо.

— Мама?.. — выдохнула она.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Они оказались в объятиях друг друга, одновременно смеясь и плача, смывая слезами боль долгой разлуки.

Потом они вместе сели на диван. Доменик прислонился к подоконнику и предоставил обеим женщинам возможность заново познакомиться.

— Но как? — наконец выговорила Опал. — Все это время мы считали тебя мертвой. Где ты была?

Мать взяла ее за руки.

— Столько надо объяснить, и ты можешь винить меня во многом. Но позволь сказать, что никогда в жизни мне не было так тяжело, как в тот миг, когда я оставила своих детей.

— Как ты могла это сделать? — спросила Опал. — Близнецам было всего четыре года. Они несколько месяцев плакали, когда засыпали. Ты была им нужна. Была нужна нам всем.

Перл покачнулась, закусив губу. Из ее глаз снова потекли слезы.

— Я думала обо всех вас, каждый день, но он не дал мне выбора.

— Отец?

Перл кивнула.

— Я знаю, что вы не были счастливы вместе, но как он мог заставить тебя уйти и бросить нас?

— Это произошло по моей вине. Твой отец не любил меня, с удовольствием похвалялся передо мной своими любовницами, и я больше не могла с этим мириться.

— Тогда ты ушла? — спросила Опал.

— Выслушай меня. Это не все. — Перл промокнула глаза носовым платком и перевела дух. — Я ужасно ревновала. Я сильно любила твоего отца, а он принимал меня как нечто само собой разумеющееся. Целью всей моей жизни было добиться от него взаимности. По-моему, это стало некой формой безумия. Я замыслила план, чтобы заставить его обратить на меня внимание. Решила завести любовника. Думала, что сведу его с ума от ревности. Я нашла в отеле самого красивого молодого человека и соблазнила его. Как я и задумала, твой отец застал нас в одной постели.

— Что произошло дальше? — спросила Опал.

Глаза Перл затуманились слезами.

— Он засмеялся. Он хохотал и не мог остановиться, как будто в жизни не видел ничего забавнее. Потом сказал моему любовнику, что лечь со мной в постель мог решиться только пьяный, или дурак, или тот несчастный, которому выпало быть моим мужем. Молодой человек убежал. Тогда я ударила твоего отца изо всех сил, пытаясь сделать ему так же больно, как он делал больно мне на протяжении нескольких лет. Он рассердился — мы ужасно поссорились.

— А на следующий день... — Опал умолкла, вспоминая жуткий скандал, подслушанный ею той ночью.

Перл кивнула.

— Я больше не могла это выдержать. Из-за него я почувствовала себя совершенно никчемной. Мне казалось, что остался лишь один способ... — У нее вырвался резкий смешок. — Но я даже это не смогла довести до конца. Меня нашла уборщица. Именно она вызвала «скорую помощь». Не уверена, что твой отец стал бы беспокоиться.

— Он сообщил нам, что ты умерла в больнице.

— Знаю. Он мне сказал, что я никогда не должна с вами общаться, девочки. Мне было очень трудно, но я понимала, что не была хорошей матерью. Думала, без меня вам будет лучше, если учесть мое состояние.

Опал минуту раздумывала.

— Неудивительно, что отец так снова и не женился — он не был свободен. Но все-таки как ему это сошло с рук? Ведь он всех убедил в том, что ты умерла.

Перл пожала плечами.

— Это было не так уж сложно. Никого из моих родственников не было в живых, если не считать вас, дети. Большинство друзей жили в Мельбурне, но с тех пор я перестала с ними общаться.

— Он не позволил нам пойти на кремацию, я думала, что он нас защищал.

— Никакой кремации, естественно, не было. Он послал меня в Англию, где я провела много времени в частной клинике. Потом поселилась в маленькой деревне неподалеку от Лондона и начала ювелирное дело на деньги, которые он мне выделил. — Перл улыбнулась, вспоминая. — Мне было запрещено вас видеть, девочки, но я по крайней мере могла работать с вашими тезками — сапфирами, рубинами и опалами, драгоценными камнями, которые каждый день напоминали мне о моих дочерях. Так что я всегда о вас помнила, поверь мне.

— Ты знала, что он умер?

Женщина кивнула, и у нее вырвался печальный вздох.

— Мне позвонил его поверенный и сообщил об этом. После его смерти я стала думать о вас еще больше. Однажды даже подняла телефонную трубку, чтобы вам позвонить. Но не смогла просто вернуться в вашу жизнь спустя столько лет. После всего, что случилось, я боялась, что вы возненавидите меня.

— Как я могу когда-нибудь тебя возненавидеть? Я по тебе скучала. Мы все по тебе скучали. — Опал шмыгнула носом и растянула губы в улыбке. — Но теперь ты вернулась.

Перл похлопала дочь по руке.

— Только потому, что твой муж прекрасно умеет вести переговоры. И убеждал меня весь день накануне Нового года.

Опал бросила на него взгляд.

— Накануне Нового года?

— Да, конечно. Именно тогда я согласилась встретиться с ним в Лондоне. И когда в сотый раз заявила, что никак не могу перевернуть твою жизнь, вернувшись в Австралию, Доменик рассказал мне о тебе. Как ты создала приют для женщин, которые попали в ловушку семейных неурядиц, и назвала его в мою честь. — Она сделала паузу, на ее ресницах повисли слезы, глаза сузились, но от улыбки просияло лицо. — Ты понимаешь, что это для меня значило? И тогда я не смогла не вернуться. Мне было жаль, что здание сгорело. Но я так рада, что вы спасли того ребенка и сами благополучно выбрались.

Опал улыбнулась.

— Я найду другое место для приюта. Думаю, что соседи теперь начнут на этом настаивать.

— Тогда мне хотелось бы помочь, — сказала Перл, — если ты разрешишь. Думаю, это мой долг перед тобой. Я много чего не сделала для тебя и твоих сестер, пока вы росли. Может быть, это поможет тебе простить меня за то, что я вас оставила в таком юном возрасте.

— Спасибо, — поблагодарила Опал. — Было бы замечательно, если бы ты помогла.

У них за спиной зазвонил телефон. Доменик ответил на звонок. Он говорил мягко, но в основном слушал.

— Кто это был? — спросила Опал, когда он повесил трубку.

— Полиция арестовала Фрэнка Скотта за поджог. Он признался и в том, что устроил пожар в многоквартирном доме, где Дженни жила раньше. Похоже, его надолго посадят под замок. А

вот хорошие новости: Бриттани полностью выздоровеет.

— Значит, Дженни и Бриттани могут переехать домой, — с облегчением произнесла Опал.

— И, судя по всему, им ничто не грозит, — добавила Перл, вставая. — А теперь вы оба должны как следует вымыться и отдохнуть после пережитых волнений.

Они договорились снова встретиться за ужином в тот же вечер. Доменик взял Опал за руку и отвел в их номер люкс. Тот самый, из которого она сбежала на Новый год, не сомневаясь в том, что у ее мужа роман и что с их браком покончено.

Доменик вошел следом за ней в комнату и только тогда повернул ее к себе, заставив прислониться к двери. Опал даже не успела пискнуть, как он крепко поцеловал ее. Поцелуй Доменика сказал ей о многом.

Его поцелуй ничего от нее не требовал. Это был поцелуй, который брал, поцелуй, который говорил о гневе, и разочаровании, и возможной потере любимого человека.

Наконец Доменик поднял голову, прерывисто дыша. Его грудь поднималась и опускалась. Он запустил руку ей в волосы и пронзил ее горящим взглядом.

— Почему ты убежала?

Опал слегка поморщилась, когда волосы натянулись, и коснулась языком верхней губы. Губа показалась ей вздутой и припухлой, она все еще побаливала после его жесткого поцелуя. Доменик ослабил хватку и провел пальцами по ее щеке.

Почему она убежала? Было столько причин. С чего начать?

— Я думала... Накануне Нового года...

— Это ты звонила?

Она кивнула.

— Кто-то ответил. Я решила, что это Эмма. И подумала... — Она зажмурилась, качая головой.

— Ты подумала, что у меня роман.

— Да. Но вместо этого ты нашел мою мать. Вот почему ты ездил в Англию — чтобы ее найти?

— Да, — ответил он тихим голосом. — Я не мог тебе рассказать до отъезда, поскольку не был уверен, что это твоя мать и что она захочет вернуться.

— Почему ты решил, что она жива?

Доменник пожал плечами и обвел ее подбородок подушечкой большого пальца. У нее перехватило дыхание, когда она заметила, как резко изменились его прикосновения. Из сердитых они стали нежными.

— Сначала я сомневался. Но ты кое-что сказала на острове. Что ты думала, твоя мать должна была выжить, а потом тебе сказали, что она умерла. Я стал искать свидетельство о смерти, но оно не нашлось. Тогда я понял — все обстоит не так, как тебе сообщил отец.

— Но как ты ее нашел?

— Мои детективы тщательно просмотрели все записи. Они нашли доказательства того, что она покинула страну, но след оборвался — твоя мать поменяла имя. Тогда я и навестил поверенного твоего отца. В конце концов я убедил его в том, что лучше рассказать мне правду.

— Спасибо, — прошептала Опал. — Правда, это слово даже отдаленно не выражает чувства, которые я испытываю, вновь обретая мать. Хотя... — Она некоторое время колебалась. — Я все еще не понимаю, почему ты это сделал.

Он глубоко вздохнул.

— На острове, в тот самый день, когда ты говорила о своих родителях, до меня вдруг дошло, что я сделал, когда заставил тебя выйти за меня замуж. — Его пальцы коснулись ее шеи. — И я подумал, что, может быть, смог бы найти способ отчасти облегчить твою боль, выяснить, что произошло на самом деле.

Тот день на пляже. Опал наконец поняла, почему его настроение так резко изменилось. Он решил найти ее мать, а она вознаградила его тем, что подумала о нем самое худшее.

— Мне очень жаль, что я подумала, будто ты с Эммой, — произнесла она. — Прости, я усомнилась в тебе, но после того, что случилось в нашу брачную ночь...

— Остановись, — отшатываясь, сказал Доменик. — Эмма была там, зашла на пять минут, но я ее не приглашал. Когда твоя мать вошла в номер, Эмма ответила на телефонный звонок. Но что ты имеешь в виду, говоря о нашей брачной ночи?

Опал озадаченно уставилась на него. Как будто он не знал!

— Наша первая брачная ночь, когда ты ушел. Видели, как ты садился в такси с Эммой.

— Черт! — Он повернулся и крупным шагом дошел до середины комнаты. — И ты думаешь, я провел бы брачную ночь, когда только что женился на тебе, с другой женщиной?

— Но разве ты этого не сделал? Со мной ты уж точно не остался.

— Ты ясно дала мне понять, что в ту ночь не желаешь находиться в моем обществе.

— И ты отправился к Эмме. В конце концов, видели, как вы вместе сидели в такси.

— И, кроме этого, видели, как я возвратился на другом такси, один, спустя десять минут? — Доменик искоса взглянул на нее. — Нет?

Неужели он говорит правду?

— Но ты уехал в Америку на следующий же день. Думаешь, я поверю, будто Эмма тут ни при чем?

Он всплеснул руками.

— Почему тебя так заботит Эмма? Она ничего для меня не значит.

— Ты не провел с ней нашу брачную ночь?

— Я вернулся и поехал в офис, — прошипел Доменик. — Я провел ночь, занимаясь бумагами, а не лежа на простынях. — Он придвинулся ближе. — За кого же ты меня принимаешь?

Опал быстро опустила глаза. Слишком быстро. Он подошел к ней вплотную, взял ее за плечи и сильно встряхнул.

— Ты действительно подумала, что я могу так поступить?

— Нет! Ну... просто дело... в твоей репутации...

— Моей репутации?

— До меня у тебя было много подружек. И ты мечтал о семье, только чтобы я родила тебе ребенка. Мне хотелось верить, что я много для тебя значу, но когда я забеременела, то подумала...

Он приподнял рукой подбородок Опал и ласково провел подушечкой большого пальца по ее нижней губе.

— Ты боялась, я стану обращаться с тобой так, как когда-то обращались с твоей матерью. Что я тебя брошу и займусь другими женщинами. В этом все дело?

Ее глаза затуманились, и она повесила голову, молча подтверждая его слова.

Доменик крепко прижал ее к груди, так крепко, что она почувствовала, как сильно бьется его сердце, ощутила тепло мускулистого тела.

— Разве за эти последние несколько месяцев ты ничего обо мне не узнала? — Он поцеловал ее в макушку.

— Узнала. По-моему, я тебя недооценила. Кстати, как к тебе попали сведения о «Доме Перл»?

— Ты думала, что я заключу какую-нибудь сделку, не наведя обо всем справки?

Опал посмотрела на него снизу вверх и поняла, какой была наивной, когда думала, что сумеет что-то от него скрыть.

— И мне понравилось то, что я выяснил, — продолжал Доменик. — Девушка, у которой с лихвой хватало денег, но которая решила поделиться ими с теми, кто попал в беду. Девушка, которая, когда дело всей ее жизни оказалось под угрозой финансовой катастрофы, нашла способ удержать свой бизнес на плаву, а также продолжать свои добрые дела. — Он поцеловал ее в губы, но поцелуй оказался на редкость недолгим. — Когда ты поймешь? Я на тебе женился. Я с тобой сплю. Почему-то я даже думаю, что люблю тебя.

— Нет, ты меня не любишь. Ты не способен любить. — Она высвободилась из его объятий и прижала руки к груди.

— Откуда ты знаешь, на что я способен?

— Но ты женился на мне не по любви. Ты женился на мне потому, что хотел получить сто процентов «Клеменджерз», а я не желала тебе их дать. Другой причины не было.

— Ну, — он пожал плечами, наклонив голову набок, — может быть, была одна.

Опал посмотрела на него.

— Какая?

— Ты меня заинтриговала. Красивая, уверенная в себе и при этом все-таки такая невинная. Я желал тебя с тех самых пор, когда ты в первый раз ворвалась ко мне в кабинет. А когда начала настаивать, что я не должен получить контрольный пакет «Клеменджерз», мне пришлось подсластить сделку. Я понял, какая ты чудесная, только когда остался с тобой наедине, на острове. — Он взял руки Опал, чувствуя, что она сомневается, и желая навсегда развеять эти сомнения. — Ты понимаешь, как это сексуально узнать, что твоя жена — девственница? Что ни один мужчина не обладал твоей женой, не дотрагивался до нее, а его язык не касался всех ее тайных мест?

Доменик наклонил голову и обвел кончиком языка изгиб ее изящного плеча. Опал ахнула и быстро вздохнула. При этом ее груди придвинулись к нему. Доменик обхватил рукой одну из них, чувствуя, как твердый сосок давит на ладонь даже сквозь ткань ее футболки и кружево бюстгалтера.

— И все же она отвечает на каждое твое движение, как норовистая кобылка, с которой сняли узду. Разве я мог не влюбиться в такую женщину, когда она олицетворяет все, что может пожелать мужчина?

Опал пошатнулась в его объятиях, полностью теряя чувство пространства и времени.

Он ее любит! Действительно любит! Она никогда не воображала, что такое возможно в браке, заключенном ради контракта. И всего лишь желала, чтобы они могли прожить несколько лет, по возможности вежливо обращаясь друг с другом.

— Вот почему я никогда бы тебе не изменил. Никогда. Тебе надо это понять.

— Думаю, что я понимаю, — прошептала Опал. У нее шумело в голове, сердце бешено колотилось. — Мне все время хотелось этому верить, но я слишком боялась ошибиться.

— Нет, дорогая, ты не ошиблась.

— Мне все еще нужно объяснять тебе, почему я убежала?

Его темные глаза сузились, уголок рта приподнялся, и на щеке появилась складка, по которой Опал провела пальцем.

— Потому что думала, что я был с Эммой?

— А тебе пришло в голову, почему это имело значение для меня?

— Ты думала, что будешь меня ненавидеть. Я дал тебе повод для этого, когда заставил выйти за меня замуж. А потом ты заподозрила, что я тебе изменяю.

— Но я убежала не поэтому.

— Тогда почему?

— Потому что со мной произошла та самая вещь, которой я боялась больше всего. Та самая вещь, от которой я защищалась всю жизнь. — Опал схватила его руки, чувствуя, как в них пульсирует кровь. — Я влюбилась в тебя, Доменик, и влюбилась страстно. До встречи с тобой я

возводила всевозможные барьеры, но ты прорвался через все. Даже когда я сказала себе, что ты никогда не удовлетворишься одной женщиной, мне хотелось верить, что однажды ты удовлетворишься мной. Вот почему я убежала. Потому, что боялась, что ты никогда не ответишь мне взаимностью и я никогда, ни при каких обстоятельствах не смогу с этим жить.

— Миссис Сильваньи, — сказал Доменик, целуя ее в губы, — больше ты от меня не убежишь. Он сделал паузу. — Я люблю тебя, Опал. О том, что я не отвечу тебе взаимностью, не может быть и речи. Я всегда буду тебя любить.

— И я всегда буду тебя любить.

Опал знала, что сегодня их жизнь безвозвратно изменилась, что все стало для них иным, и что они будут вечно проводить жизнь в объятиях друг друга.

КОНЕЦ

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.